

Юрий

Толджиков

Как боги

Семь пьес о любви

Юрий Поляков

Как боги. Семь пьес о любви

«АСТ»

2014

Поляков Ю. М.

Как боги. Семь пьес о любви / Ю. М. Поляков — «АСТ», 2014

«Юрий Поляков – один из моих любимых современных писателей. Его стиль узнаваем с первых строк, его сюжеты не отпускают до последней страницы, его меткие слова и сравнения западают в память, а диалоги увлекают емкой легкостью. Его пьесы – редкое явление нынешней драматургии. Они очень современны, хотя написаны по классическим канонам без хаотичного новаторства, скрывающего беспомощность. Его герои говорят на живом, настоящем русском языке... Репризы и неологизмы из пьес давно перекочевали в живую речь, а это верный признак народности писательского дара. И еще одна особенность этих пьес: они захватывают тебя не только тогда, когда разыгрываются на сцене. Читать их тоже очень интересно. Большая редкость не только по нынешним временам...» Станислав Говорухин

Содержание

Мой любимый писатель	5
Левая грудь Афродиты	6
Акт первый	7
Акт второй	26
Смотрины (Контрольный выстрел)	43
Акт первый	44
Акт второй	65
Халам-бунду, или Московское сафари	84
Акт первый	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Юрий Михайлович Поляков

Как боги

Семь пьес о любви

Мой любимый писатель

Не так много писателей, за которыми я слежу, стараясь прочесть каждую новую книгу Юрий Поляков – из них. Он один из моих любимых современных писателей. Его стиль узнаваем с первых строк, его сюжеты не отпускают до последней страницы, его меткие слова и сравнения западают в память, а диалоги увлекают емкой легкостью. Потому-то я и пригласил его в команду, когда писался сценарий «Ворошиловского стрелка». И не ошибся.

Потом мы в соавторстве сочинили «Контрольный выстрел», который до сих пор успешно идет на сцене МХАТ имени Горького. Недавно после большого перерыва мне пришлось побывать на спектакле, чуть ли не двухсотом. Играли в честь крымчан, воротившихся в Отечество. И по тому, как откликнулся зал, было ясно: наша работа пятнадцатилетней давности почти не устарела. Пьеса, кстати, входит в этот сборник, и, таким образом, меня в известной мере можно считать соавтором книги, которую вы держите в руках.

Пьесы Юрия Полякова – редкое явление нынешней драматургии. Они очень современны, хотя написаны по классическим канонам без хаотичного новаторства, скрывающего беспомощность. Он мастер, кажется, это давно поняли все, кроме жюри «Золотой маски». Его герои говорят на живом, настоящем русском языке, но обходятся без мата, без которого почему-то двух слов связать не могут нынешние авторы. Видимо, они плохо владеют родным языком или полагают, будто Гоголь не знал неприличных слов и потому не использовал их в своих комедиях.

Фабулу Юрий Поляков умеет закрутить так, что до последней сцены, как в «Одноклассниках» или «Халам-бунду», даже не подозреваешь, чем кончится дело. Его персонажи, такие, как предводитель районного дворянства Лукошкин, поэт-пьяница Федя Строчков, заполонившая актриса Эдита, бизнесмен Непочатый или древний грек Паркинсон западают в память с классической отчетливостью. Репризы и неологизмы из пьес Полякова давно перекочевали в живую речь, а это верный признак народности писательского дара. Книги Юрия Полякова – это литература, сделанная из жизни, а не из литературы.

И еще одна особенность этих пьес: они захватывают тебя не только тогда, когда разыгрываются на сцене. Читать их тоже очень интересно. Большая редкость не только по нынешним временам...

Станислав Говорухин

Левая грудь Афродиты

Комедия в двух актах

Действующие лица:

Нина и Андрей Петровы.

Даша и Олег Сидоровы.

Иванова.

Тараканушкин.

Паркинсон.

Акт первый

Сцена первая

Рецепция маленькой гостиницы, точнее, дореволюционной крымской виллы, превращенной в отель. За конторкой заполняет какие-то бумаги старичок, похожий одновременно на счетовода и древнего философа. В большом окне виднеется море.

Слышны звуки радиоприемника.

Голос диктора... Вчера силами правопорядка в городе пресечена деятельность преступной группы, занимавшейся сбытом наркотиков... Температура воздуха – двадцать два. Моря – двадцать три градуса...

Раздается телефонный звонок. Старичок снимает трубку.

Паркинсон. Отель «Медовый месяц». Паркинсон слушает. Кто? Простите, не расслышал... господин Тараканушкин... (Смотрит в бумаги.) Вы получили наш рекламный проспект? Вот и хорошо. Как снимаете заказ? Ах, поссорились... Ну это не страшно. Отель «Медовый месяц» – лучшее место для воссоединения любящих сердец! Очень жаль, очень жаль... Что ж, когда снова соберетесь жениться, звоните! Никогда не женитесь? Позвольте вам не поверить, дорогой господин Тараканушкин! До свидания. (Кладет трубку и углубляется в бумаги.)

В холл по лестнице, нежно взявшись за руки, спускается молодая пара. Оба в пляжных халатах, с полотенцами. У Андрея в руках подводное ружье.

Паркинсон. Добрый вечер. Как спалось?

Нина. Спасибо, господин Паркинсон! Хорошо. Мы, правда, часто просыпались...

Паркинсон. Это бывает в вашем возрасте.

Нина (показывая на окно). А я думала, теперь утро! Солнце встает...

Андрей (смотрит на ружье). Я тоже думал...

Паркинсон. На охоту вы опоздали. Солнце уже садится. Оно всегда садится в море. А поднимается из-за гор. Всегда.

Нина. Не заметила. Я такая рассеянная. Наверное, из-за шампанского...

Андрей. Не понял! Только из-за шампанского?

Нина. Ну, может быть, еще от перемены климата. В Москве совсем осень.

Паркинсон. Я давно здесь служу и перевидал многих молодоженов. Они все очень рассеянные. Особенно после того, как погладят грудь Афродиты. Эта рассеянность от любви и нежности! Счастливый человек всегда не в себе... Он весь – в другом человеке, в том, кого любит. К сожалению, потом люди обычно приходят в себя.

Нина (спохватываясь). Ах, ну конечно, от любви и нежности!

Она эффектно обнимает Андрея – и видно, что халат надет прямо на голое тело.

Андрей (смущенно). А что у нас сегодня с морем?

Паркинсон. А что у вас сегодня с морем?

Нина. Не обращайтесь внимание, господин Паркинсон! Мой муж бизнесмен. Он каждое утро вызывает в кабинет секретаршу и спрашивает: «А что у нас сегодня с долларом?»

Паркинсон. Ах, в этом смысле! Полный штиль. Вода – двадцать три градуса. И оно, море, мечтает поцеловать ваши очаровательные ножки, мадам Петрова, своими солеными губами!

Андрей смотрит на него с некоторым неудовольствием.

Нина. Господин Паркинсон, вы случайно не поляк? Поляки всегда такие галантные.

Андрей. Откуда ты знаешь?

Нина. Я работала у одного поляка. Он торговал бижутерией и каждое утро целовал мне руку.

Андрей. Ты мне об этом никогда не рассказывала.

Нина. А зачем? У меня же с ним ничего не было.

Паркинсон. Нет, мадам, я не поляк и не русский...

Андрей. Ну, об этом я и сам догадался.

Паркинсон. Кроме того, я не англичанин, не швед и даже не еврей... Вас, конечно, вводит в заблуждение моя фамилия. Но дело в том, что Парки – это богини судьбы у римлян. Они прядут нити человеческих жизней. И обрезают эти нити, когда приходит срок. В Древней Греции...

Нина. Так вы грек?

Паркинсон. Ну если вам приятно, считайте, что грек. Я древний грек. Очень древний грек. А может, римлянин... Кто знает... Итак, Парка – богиня судьбы. А «сон» означает «сын». Получается «сын богини Парки». Пар-кин-сон...

Андрей. Почти как сукин сын.

Нина. Извините моего мужа, господин Паркинсон, в молодости он слишком много занимался спортом.

Паркинсон. Ничего-ничего. Так шутят многие гости. Но обычно только после того, как увидят счета. Вот, пожалуйста! (*Протягивает Андрею бумагу.*) Вы уезжаете после завтрака?

Нина. Да. Закажите такси. Искупаемся – и в Москву! В холод. Б-р-р!

Андрей. Оставайся в Крыму.

Нина. Почему бы и нет? Приму украинское гражданство... С ума сойти: Крым – за граница! Никак не могу привыкнуть.

Андрей. А я не хочу к этому привыкать.

Нина. Не привыкай... Я буду в море.

Андрей. Хорошо. Я тебя сейчас догоню. Не плавай далеко!

Нина уходит. Андрей углубляется в счета. Достает из халата калькулятор.

Паркинсон. У вас необыкновенная, изумительная, потрясающая жена! Поверьте, я видел многих молодоженов...

Андрей (*вникая в счета, нажимая кнопки калькулятора*). И что, все они были женаты на необыкновенных женщинах?

Паркинсон. Конечно! Когда мужчина сочетается браком, его избранница всегда необыкновенна, а жены всех остальных мужчин обыкновенны. К сожалению, со временем, собственная супруга становится обыкновенной, а жены других мужчин, напротив, необыкновенными. В этом трагедия семейной жизни. Еще в Древней Греции...

Андрей (*удивленно смотрит на калькулятор*). Не понял!

Паркинсон. Вы всегда с калькулятором ходите?

Андрей. Всегда. Я занимался боксом и плохо считаю в уме.

Паркинсон. Ужасный спорт! И все по голове, по лицу, по зубам...

Андрей. Вы мне зубы не заговаривайте! Что это такое НБМ – тридцать процентов?

Паркинсон (*невозмутимо*). НБМ – надбавка за близость моря.

Андрей. Что? Близость моря?!

Паркинсон. Разумеется. Согласитесь, молодой человек, любая близость стоит денег.

Андрей. Допустим. А НДС – тридцать процентов? Вы же говорили, у вас без налога на добавочную стоимость!

Паркинсон (*приосаниваясь*). При чем здесь добавочная стоимость? Это надбавка за дополнительный сервис.

Андрей. Какой еще дополнительный сервис?

Паркинсон. Видите ли, я играю на лире и по желанию постояльцев исполняю вакхические песни. Кроме того, я готовлю блюда по рецептам древней эротической кухни. А также создаю обстановку утонченной чувственности...

Андрей. Ясно: соленые губы и все такое... А это что? НИЛ – пятьдесят процентов! Совсем обалдели?

Паркинсон. М-да, в самом деле, дороговато. Я их там предупреждал. (*Показывает пальцем вверх.*) Объяснял, что платежеспособность населения упала из-за кризиса. Но ведь это какие-то небожители, честное слово! Уверены, что во время медового месяца способность у всех поднимается...

Андрей (*раздраженно*). Я спрашиваю, что еще за Нил? Если бы мне был нужен Нил, я бы в Египет полетел...

Паркинсон. НИЛ – это не река. Это – надбавка за испытание любви. Улавливаете? НИЛ...

Андрей. Не улавливаю! Испытывают на полигоне. А я приехал сюда отдыхать и расслабляться... Ничего подобного в договоре не было.

Паркинсон. Увы, вы невнимательно читали договор.

Андрей. Я невнимательно? Да вы знаете, сколько договоров я заключил? У меня в Москве фирма. Дайте сюда договор!

Паркинсон. Пожалуйста! В самом низу, мелким шрифтом.

Андрей (*читает*). Да, действительно. Как же я не заметил? Странно...

Паркинсон. Ничего странного. В день приезда вы очень торопились со своей молодой супругой в номер. Это со всеми случается.

Андрей. Со всеми, но не со мной.

Паркинсон. Со всеми, кто приезжает с молодой очаровательной женой в отель на берегу моря.

Огорченный Андрей берет договор и садится за пальму у окна, внимательно читает, щелкая калькулятором.

Паркинсон (*глядя в окно*). О, Эрот стрелометатель, у вашей супруги изумительная фигура! Насколько я помню, в благословенной Элладе женщины тоже брили на теле все волосы, разумеется, за исключением тех, что растут на голове.

Андрей. Откуда вы знаете? (*Тот же смотрит в окно.*) Вот черт! Я же просил ее...

Паркинсон. Не переживайте. Красавицы просто обязаны купаться нагими. Ну, представьте себе Афродиту, выходящую из пены в купальнике от Нины Риччи! Я бы просто умер со смеху!

Андрей (*странно смотрит на портье и снова углубляется в бумаги, бормоча под нос*). Ладно, близость моря – понятно. Дополнительный сервис тоже – туда-сюда... Но испытание любви? Чего только не придумают, чтобы на бабки развести...

Паркинсон. Вы не волнуйтесь. Надбавку за испытание любви клиент может не платить, если считает, что такую услугу он не получил.

Андрей. Где это написано?

Паркинсон. В примечании. Совсем мелким шрифтом.

Андрей. Да, действительно... Я платить за это не буду!

Паркинсон. Как знаете.

В этот момент распахивается дверь и появляется чета Сидоровых. Олег тащит чемодан. Даша держит в руках букет роз, закрывающий ее лицо.

Олег (отдуваясь). А вот и мы! Оказывается, вы не так уж далеко от аэропорта. Кажется, я здорово переплатил таксисту.

Даша. Я тебя предупреждала!

Андрей вскидывается на голос Даши, качает головой и снова углубляется в счета.

Олег. Ну, не сердись, котенок! *(Нетерпеливо гладит жену.)*

Паркинсон. Вы делали предварительный заказ? Ваша фамилия?

Олег. Сидоров. Сидоровы...

Паркинсон. Ах, Сидоровы! Что же вы молчали? Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои! Сердечно рад приветствовать вас в отеле «Медовый месяц». Моя фамилия Паркинсон. Что в переводе означает сын Парки. В древности так назывались...

Олег. Так назывались богини судьбы. А где наш номер?

Паркинсон. Паспорта, пожалуйста! *(Берет у них паспорта, исследует.)* Штампы ЗАГСА. Все в порядке...

Олег. А что, бывает, обманывают?

Паркинсон. Еще как! Кошмар! С любовницами приезжают. С секретаршами. С телохранителями. Но у нас строго – только после законной регистрации. Заполните пока анкету, а я расскажу вам о нашем отеле.

Протягивает бланки. Молодые начинают заполнять бумаги, норовя приласкать друга друга.

Олег (нетерпеливо). Как быстро темнеет! Ничего не видно. А может, мы сначала вещи в номер отнесем, отдохнем с дороги... Там и анкеты заполним.

Паркинсон. Немного терпения. Отдохнуть вы еще успеете – и не раз. Я включу свет. *(Включает.)* Пишите и слушайте! Вилла «Медовый месяц» была построена в одна тысяча восемьсот пятьдесят девятом году графом Балаклавским для своей невесты Юлии, урожденной баронессы фон Гофф. Здесь они провели первую брачную ночь. Наутро Юлия навсегда покинула мужа и постриглась в монахини.

Олег. Интересный сюжет, надо записать. Что же он такое успел натворить за одну ночь?

Паркинсон. Неизвестно. Может быть, просто их любовь не выдержала испытания...

Олег. Какого испытания?

Даша. Милый, поедem в другой отель?

Андрей, выглядывая из-за пальмы, с удивлением смотрит на Дашу.

Паркинсон. Погодите. История еще не кончилась. Обезумевший от горя брошенный супруг продал с большой выгодой виллу купцу первой гильдии Хлебосолову и скрылся в

Европе. Вилла долго стояла пустой, пока Хлебосолов не женил своего единственного сына Федора на дочери предводителя уездного дворянства Александrine Голомазовой. Здесь молодые провели первую брачную ночь. Через девять месяцев у них родился первенец. А всего у Хлебосоловых было восемь детей. Жили они долго и счастливо и умерли в один день...

Даша. Я остаюсь.

Паркинсон. Их расстрелял в двадцатом году комиссар Трухачевский.

Даша. Какой ужас! За что?

Паркинсон. За происхождение. После революции здесь некоторое время размещалось общежитие бродячих поэтов – и здание сильно пострадало. Наконец, в тридцать седьмом вилла была отремонтирована и отдана Трухачевскому, который к тому времени стал маршалом. Он как раз развелся со старой женой и сделал предложение юной актрисе Раисе Витебской. Здесь они провели первую брачную ночь, восхитительную и незабываемую, наутро маршал срочно вызвали в Москву, обвинили в заговоре и расстреляли.

Даша. А Раиса?

Паркинсон. Ее почему-то не тронули. Она потом еще много раз выходила замуж. Но своего маршала не забывала, даже написала о нем воспоминания. Там есть одно интересное место. *(Достает книгу, открывает, находит нужную страницу.)* Ага, вот... «Получив вызов Сталина, – пишет Раиса, – маршал начал собираться и никак не мог найти свой новый чемодан. Он бродил по вилле и грустно приговаривал: „Где чемодан? Ну, где же он?“ И мое сердце вдруг сжалось нехорошим предчувствием...» *(Захлопывает книгу.)*

Олег. Нашел чемодан-то?

Паркинсон. Нашел. Хочу вас на всякий случай предупредить: некоторые молодожены жаловались, что в самый неподходящий момент вдруг появлялся призрак маршала Трухачевского и начинал спрашивать про свой чемодан. Тут главное не волноваться. Вызывайте меня, а я уж с ним договорюсь!

Олег. Значит, в вашем отеле, как в настоящем готическом замке, водятся призраки?

Паркинсон. Конечно. Это вообще место необычное.

Олег. Отлично! Давайте ключи от номера!

Паркинсон. Минуточку терпения, молодой человек. Я заканчиваю. Потом, после ареста маршала, много лет на вилле был склад лако-красочных материалов. И только благодаря рыночным реформам здесь открылся отель для молодоженов. Кстати, когда подводили газ, в траншее нашли осколки мраморной статуи. Археологи определили, что на этом месте стоял храм Афродиты Таврикийской.

Даша. В Крыму?

Олег. Конечно! Здесь когда-то было Боспорское царство.

Паркинсон. О! Молодой человек историк?

Олег. Нет, писатель.

Андрей, скрываясь за пальмой, следит за происходящим с нарастающим волнением.

Паркинсон. Похвально. Впервые встречаю писателя, слышавшего про Боспорское царство. Но вернемся к осколкам. Их, конечно, увезли в музей. Но один я спрятал. Вот он!

Портье подходит к сейфу, торжественно открывает и достает алую шелковую подушечку, на которой лежит округлый кусок мрамора.

Даша. Что это?

Паркинсон. Это грудь Афродиты Таврикийской.

Олег. Какая?

Паркинсон. Что вы имеете в виду?

Олег. Правая или левая?

Паркинсон. Это для вас так важно?

Олег. Нет, но все-таки...

Паркинсон. Полагаю, установить это теперь невозможно. Но считают, если прикоснуться к ней правым безымянным пальцем, то вы поступаете в полное распоряжение Афродиты, и она испытывает вашу любовь. От того, как вы проведете здесь медовый месяц, зависит ваша супружеская жизнь! Теперь вы все знаете... Заполнили анкеты?

Олег. Давно уже заполнили!

Паркинсон. Пожалуйста, вот ваши ключи. Номер шесть. Люкс. Джакузи. Кровать в стиле Людовика Тринадцатого. Вид на генуэзскую крепость. Ах, да, чуть не забыл... Надо подписать договор!

Олег (*нетерпеливо*). Какой еще договор?

Паркинсон. О найме жилого помещения и некоторых иных услугах. Чистая формальность.

Олег. Хорошо. Давайте скорее! Сейчас пойдем, котенок! Я просто с ног валюсь от усталости.

Не глядя, Олег подмахивает договор. Паркинсон подмигивает выглядывающему из-за пальмы Андрею. Тот укоризненно качает головой и показывает калькулятор.

Даша. Погоди! Я хочу прикоснуться к Афродите... А сколько это стоит?

Паркинсон. Это как раз совершенно бесплатно.

Олег. Хорошо, быстренько прикасаешься – и пошли!

Даша. Нет, мы должны прикоснуться одновременно...

Паркинсон. Какая у вас необыкновенная, изумительная, умная жена! Одновременность в супружеской жизни – великое дело.

Петровы на счет «три» касаются камня. В этот миг гаснет свет. В темноте раздаются голоса.

Паркинсон. Не волнуйтесь, господа! Подстанция у нас старенькая. Иногда гаснет свет. Сейчас снова загорится. Лучше не двигайтесь, а то можно свалить пальму или удариться о перила...

Даша. Олег, что ты делаешь? Перестань сейчас же!

Андрей (*тихо*). А говорила, что можешь узнать меня по одному прикосновению...

Олег. Ничего я такого особенного не делаю. А почему у тебя мокрые волосы?

Нина. Станный вопрос. Я же купалась... Что у тебя с голосом?

Загорается свет.

Олег обнимает вернувшуюся с моря Нину. Андрей – Дашу. Все четверо отшатываются друг от друга. Они изумлены и смущены.

Паркинсон загадочно улыбается и бережно запирает грудь Афродиты в сейф.

Сцена вторая

Номер «люкс». На большой кровати лежат еще не успевшие унять дыхание после любви Олег и Даша. Олег встает, подходит к окну и смотрит на море. Даша накидывает халат и начинает раскладывать вещи.

Даша. Тебе было хорошо?

Олег. Замечательно! Пойду – искупаюсь. А ты знаешь, почему море соленое?

Даша. Почему?

Олег (*возвышенно-монотонно*). За века и тысячелетия мириады влюбленных смывали со своих истомленных счастьем тел пот сладострастия – и посему сделалось море солоно...

Даша. Погоди, я запишу! (*Хватает блокнотик и записывает.*) Ты становишься потрясающим стилистом! Раньше ты бы написал просто: «И от этого море стало соленым». А теперь – «И посему сделалось море солоно!» Тебе нужно писать серьезную прозу.

Олег. Это ты на меня так действуешь. Любовь – огромная сила. Дарвин не прав. Не труд превратил обезьян в людей. Любовь!

Даша. Записать?

Олег. Нет. Это уже кто-то говорил до меня. Не хочу сегодня литературы.

Даша. Чего же ты хочешь?

Олег. Тебя.

Даша. Еще?

Олег. Еще, еще и еще! Главное ведь не обладать, когда хочешь, а хотеть, когда обладаешь!

Даша. Здорово! Записать?

Олег. Запиши.

Даша. Ты просто фонтанируешь сегодня!

Олег (*игриво*). Ты так считаешь? Фонтанирую... Ну, конечно, мы забыли кое-что заказать! (*Снимает трубку телефона.*) Господин Паркинсон, нам, пожалуйста, в номер шампанское и какие-нибудь фрукты.

Даша. Боже, все, как мечтали! Море, шампанское – и мы одни...

Олег. Ну, не совсем одни! (*Подходит к двери в стене.*) Наверное, когда приезжают очень богатые молодожены, эта дверь открывается – и получается суперлюкс. (*Прислушивается.*) Тихо. Странно...

Даша. Почему странно? Они уже давно приехали.

Олег. Я не об этом. Почему он так странно на тебя посмотрел?

Даша. Кто?

Олег. Ну этот, молодожен с калькулятором.

Даша. Не знаю... Наверное, я ему понравилась.

Олег. Ты моя жена и не имеешь права нравиться никому, кроме меня!

Даша. Не волнуйся, для любящей женщины все остальные мужчины – бесполые существа. Прохожие. А вот у мужчин, к сожалению, по-другому... И я видела, как ты смотрел на нее!

Олег. На кого?

Даша. На эту, молодожениху из соседнего номера! Ты же ее узнал!

Олег (*испуганно*). Я?

Даша. Ты...

Олег. Не говори чепуху!

Даша. Узнал, узнал. Ведь это она купалась голый, когда мы ехали на машине...

Олег (*облегченно*). Разве... Да, в самом деле... Грудь, скорее всего, искусственная.

Даша. И тем не менее смотреть на нее так не стоило.

Олег. Как?

Даша. Вни-ма-тель-но!

Олег. Извини... Издержки профессии. Приходится собирать жизненный материал в самых неожиданных местах. Писательская копилка (*стучит себя пальцем по лбу*) должна быть всегда полна! А смешно, мы в темноте перепутались...

Даша. Ничего смешного. (*Подходит к двери, прислушивается, пробует ручку.*) Ой, дверь не заперта!

Олег. Надо у Паркинсона ключ попросить!

Даша. Принесет шампанское – тогда и попросишь.

Олег. Странный старик, правда?

Даша. Неизвестно, какие мы будем в его возрасте, если доживем...

Олег. А знаешь, что мне интересно?

Даша. Что?

Олег. Будем мы с тобой в его возрасте заниматься любовью или нет? А если будем, то сколько раз в день?

Даша. В год...

Олег. Ты станешь старенькой (*падает на постель*) и будешь это делать еле-еле... чуть-чуть... (*Показывает, как это будет.*)

Даша. И ты тоже будешь старенький. С палочкой. Со вставной челюстью. И тоже будешь любить меня еле-еле, чуть-чуть... (*Падает на мужа, показывает, как это будет.*)

Входит Паркинсон с подносом. С интересом наблюдает за ними.

Олег. Еле-еле...

Даша. Чуть-чуть...

Паркинсон (*кашляет*). Шампанское из погребов Кассандры...

Олег и Даша, как ошпаренные, вскакивают с постели, поправляя одежду.

Олег. Массандры! Вы ошиблись...

Паркинсон. Я редко ошибаюсь.

Даша (*смиренно*). А мы о вас только что говорили...

Паркинсон. Обо мне?

Олег. Да, о вас. Понимаете, дверь между номерами не заперта. И мы боимся, как бы случайно...

Паркинсон. Случайно? Исключено. Ах, Эрот лукавокозненный! Тысяча извинений! Я принесу ключ и запиру. Не смею мешать вашему счастью. Спокойной ночи вам не желаю, ибо, во-первых, с моей стороны это было бы бестактностью! А во-вторых, вас еще ждет ужин... Фирменная телятина «Улыбка По». Да хранит вас, Афродита воспламеняющая!

Уходит, глянув на молодых с грустной улыбкой.

Олег (*передразнивая*). О, Афродита воспламеняющая...

Даша. Это, наверное, для колорита. Все-таки здесь очень дорого берут!

Олег. Не жадничай! Медовый месяц бывает только раз в жизни. А знаешь, почему он называется медовый?

Даша. Почему?

Олег. Потому что за эти дни влюбленные друг с друга, словно пчелы с цветков, собирают мед и, как в соты, складывают вот сюда (*показывает на сердце*). И нужно успеть собрать меда столько, чтобы хватило потом навсегда, на всю жизнь!

Даша. Записать?

Олег. Пожалуй...

Даша записывает. Олег открывает шампанское, поясняя наставительно.

Олег. Мало, кто знает: когда открываешь шампанское, бутылку надо держать под углом в сорок пять градусов, тогда не будет фонтана из пены.

Даша. С фонтаном как-то веселей. За что пьем?

Олег. За мед любви! Что бы хватило на всю жизнь...

Даша. Навсегда!

Пьют шампанское, нежно целуются.

Олег. А знаешь, о чем я сейчас жалею?

Даша. О чем?

Олег. О том, что с нами нет Николашки.

Даша. Ты будешь его любить?

Олег. Конечно. Он же часть тебя!

Даша. Нет, он уже отдельный человек, который все понимает и даже ревнует. Николашка должен к тебе привыкнуть. Он должен понять, что в моей жизни есть теперь и другой мужчина. Большой. Умный. Это трудно.

Олег. Николашка знает, что стало с его отцом?

Даша. Нет. Для него он просто уехал. Далеко. В три года ребенку не объяснишь, что значит «погибнуть в горячей точке»...

Олег. Хорошо, что ты с самого начала все честно мне рассказала. И про мужа, и про Николашку... Ненавижу лгуний, которые переспали с половиной Москвы, а наутро объявляют, будто ты у них второй... Первый погиб, конечно, в автомобильной катастрофе.

Даша. И много у тебя было таких лгуний?

Олег. Не очень. Понимаешь, у каждого мужчины есть изменный фонд...

Даша. Как это?

Олег. А вот так. Каждому мужчине предназначена единственная женщина. Для меня – это ты! Все остальные женщины – изменный фонд. Разумеется, лучше, когда он исчерпан до встречи с единственной...

Даша. А у тебя он исчерпан?

Олег. Практически полностью.

Даша. Это утешает. Интересно, а у женщин есть изменный фонд? Надо будет спросить Ольгу Чибисову...

Олег. По-моему, ты стала к ней хуже относиться!

Даша. Тебе показалось. *(Встает с постели.)*

Олег. Ты куда? Подожди!

Даша. Пусти! Я хочу принять ванну...

Олег. Давай вместе!

Даша. Как в твоём романе «Смертельная нежность»?

Даша скрывается в ванной. Олег смотрит ей вслед. Подходит к окну.

Олег. Море... Вечное и неисчерпаемое как жизнь. Дробящаяся на волнах лунная дорожка – это путь, который видят все, но никто не может на него ступить. А судьба это путь, который никто не видит, но все по нему идут...

Пока он это говорит, боковая дверь тихо открывается. Появляется Нина. Она незаметно подходит к Олегу и встает у него за спиной.

Нина. Записать?

Олег. Запиши. (*Резко оборачивается.*) Ты?

Нина. Я.

Олег. Что тебе от меня нужно?

Нина. Ничего. Просто хочу поздравить тебя с законным браком. Можешь налить мне шампанского! Чокнемся...

Олег. Обойдешься!

Нина. Жмот!

Олег. Тише! Жена в ванной, может услышать. Кстати, где твой муж? Я совершенно не хочу скандала.

Нина. Трус! Но мне скандал тоже не нужен. Он в прошлом боксер.

Олег. Значит, ты своего все-таки добилась?

Нина. О да! Была секретаршей, а стала женой!

Олег. И у него куча денег, как ты мечтала?

Нина. Да, у него своя фирма. Ну, не совсем своя... А вот это он подарил мне на свадьбу!

Показывает кольцо, поднося его к самому носу Олега.

Олег. Миленький камешек...

Нина. Камешек? Идиот! Ты никогда ничего не понимал в драгоценностях и про все, что стоит настоящих денег, писал чепуху. «Ее восхитительную грудь украшала брошь, усыпанная мармарошскими алмазами, стоившими целое состояние...»

Олег. А в чем дело?

Нина. А дело в том, что «мармарошскими алмазами» называются подделки из хрусталя...

Олег. Подумаешь, у Лермонтова львица ходит с гривой. И ничего.

Нина. Мне жаль твою жену. Бедная дурочка! Ты ей, случайно, про изменный фонд не рассказывал?

Олег. Нет, за кого ты меня принимаешь! И она не дурочка. Она очень тонкая, умная и порядочная женщина! Я ее год добивался. Не то что тебя!

Нина. Надеюсь, эта тонкая, умная и порядочная женщина от тебя скоро сбежит.

Олег. Почему она должна от меня сбежать?

Нина. Обязательно сбежит. Сначала она, как и я, будет смотреть тебе в рот, записывать твои дурацкие фразы, рыдать от обиды, когда тебе в очередной раз возвратят рукопись с издательской рецензией. Будет занимать у друзей деньги под выдуманные авансы, а потом врать им, что издательство разорилось... Будет рассказывать всем, как Набокова тоже сначала не печатали, а потом дали Нобелевскую премию...

Олег. Льву Толстому Нобелевскую премию так и не дали.

Нина. Это единственное, что сближает тебя с Толстым.

Олег. Ты пришла сказать мне об этом? Убирайся! Паркинсон сейчас принесет ключи и подумает черт знает что!

Нина. Я уйду. Но хочу тебя предупредить: пока еще Андрей ничего не заметил. Но если ты и дальше будешь смотреть на мою грудь, как некормленный младенец, он что-нибудь заподозрит...

Олег. Грудь тоже он подарил?

Нина. Представь себе! И ему совершенно незачем знать, что ты был моим мужем.

Олег. Почему же?

Нина. Как бы тебе попроще объяснить... Он ни разу не был первым ни в боксе, ни в бизнесе. Я решила его побаловать и сказала, что никогда прежде...

Олег. Так он у тебя первый?

Нина. Ну, в известном смысле...

Олег. Это делают там же, где и грудь?

Нина. Пошляк! Какие вы, мужики, зануды: первый, второй... Какая разница! По-моему, лучше быть последним мужем, чем первым...

Олег. У тебя никогда не будет последнего мужа – только предпоследние...

Нина. Ты всегда ко мне плохо относился. Боже, как я счастлива, что не завела от тебя ребенка! Спасибо Лерке... Отговорила.

Олег. И на аборт одолжила, мерзавка! Ты всегда, всегда слушалась ее, а не меня. Лера считает, Лера сказала, Лера купила... Сволочь!

Нина. Да, она моя лучшая подруга! И что? Я знаю, почему ты ее ненавидишь?

Олег. Почему?

Нина. Она тебе отказала!

Олег. Мне!? В чем?

Нина. В том самом! Да еще вlepила пощечину!

Олег. Когда?

Нина. Когда ты к ней полез?

Олег. Я?! Полная чепуха!

Нина. Ври своей дурочке. Лерка мне все потом рассказала!

Олег (*возмущенно*). Какую пощечину! Это она ко мне приставала...

Нина. Ха-ха! Какая идиотка будет к тебе приставать, мрамарошка!

Олег. Ты, например!

Нина. Нет! Не было! Никогда!

Олег. Ври своему дебилу!

Нина. Ничтожество! (*Бьет его по щеке.*)

Олег. Шалава силиконовая! (*Бьет ее по щеке.*)

Входит Паркинсон и внимательно наблюдает за происходящим.

Нина. Раньше ты это делал лучше. Оно плохо тебя кормит? Ослаб? Вот как надо! (*Бьет.*)
Вспомнил?

Олег. Я – ослаб? А вот так! (*Бьет.*) Не забыла?

Нина (*отшатываясь от сильного удара*). Уже лучше. Весело мы с тобой жили! А вот так! (*Бьет.*)

Олег. Неплохо. Совсем как раньше. А вот так...

Паркинсон (*кашлянув*). Я принес ключи.

Олег (*смущенно*). Очень хорошо. А мы вас только что вспоминали!

Паркинсон. Меня? С чего бы? Вы были так заняты...

Нина. Да, вспоминали. Хотела спросить: вы не видели моего мужа?

Паркинсон. Господин Петров отплыл далеко в море. Это опасно.

Нина. Ничего ему не сделается. Он бывший спортсмен. Не то что некоторые...

Паркинсон. Стол накрыт. Можете спускаться!

Нина. Благодарю вас. Я должна переодеться к ужину.

С гордо поднятой головой скрывается в соседнем номере. Олег бросается и запирает боковую дверь на ключ.

Олег. Мы были с ней знакомы и даже немного женаты. И вдруг такая случайная встреча... Здесь...

Паркинсон. Случайных встреч не бывает. Тем более – здесь. Бывают только случайные браки. Вы спускаетесь к ужину?

Олег. Да, конечно... *(Через дверь ванной.)* Дорогая, ужин стынет. Поторопись!

Голос Даши. Иди! Я скоро.

Олег. Я буду ждать тебя внизу.

Олег и Паркинсон уходят. Дверь ванной распахивается. Появляется свежeweымытая Даша.

Даша. Господи, как хорошо! *(Подходит к балкону.)* Как пахнет морем... Завтра буду купаться и загорать! Загорать и купаться. Что же мне надеть? *(Раскрывает чемодан. Прикидывает несколько нарядов. Подходит к телефону. Набирает номер.)* Мама! Это я. Да, долетели нормально. Роскошный отель с видом на море. Как там Николашка?... Ты с ним построже!.. Знаешь, кажется, у тебя будет еще один внук или внучка... Уверена! Нет, Олегу еще не говорила. Скажу, когда вернемся домой... Нет, еще не купалась. Боюсь плавать в темноте. Завтра. Поцелуй за меня Николашку! Пока.

Тем временем с балкона из-за штор появляется Андрей. Он в купальном халате, на плечи наброшено полотенце. Даша кладет трубку. Андрей кладет ей руку на плечо.

Даша *(вздвoгнув).* Ну разве можно так пугать, Олег?! *(Оборачивается.)* Ты?

Андрей. Нет, маршал Трухачевский.

Даша. Ты с ума сошел! Нас же могут увидеть...

Андрей. Не волнуйся – они внизу. Аперитивом разминаются. Паркинсон на лире бренчит...

Снизу доносятся голоса и звон струн.

Даша. Как ты узнал, что я приеду в этот отель?

Андрей. Ничего я не знал. Жена где-то прочитала рекламу. А может, подруга посоветовала. Она эту Лерку во всем слушается.

Даша. Ты выбрал себе красивую жену.

Андрей. Нет, я выбрал себе красивую секретаршу.

Даша. Не знала, что на секретаршах женятся.

Андрей. Да, женятся. На тех, что рядом – и днем и ночью. А на тех, что из-за дурацкой обиды исчезают в неизвестном направлении... На таких, знаешь, очень трудно жениться!

Даша. Из-за дурацкой обиды? Значит, если ты застаешь любимого человека с какой-то потаскухой, это – дурацкая обида? А что же тогда, по-твоему, недураская обида?!

Андрей. Ну ты же знаешь, Волчатова! Такие у него приколы: после удачной сделки присылает всем в подарок девиц. Бонус...

Даша. Но ведь от бонуса всегда можно отказаться!

Андрей. Я и хотел отказаться...

Даша. Видимо, в этот самый момент я и вошла.

Андрей. Опять злишься! Четыре года прошло. Я думал, ты уже забыла.

Даша. Забыла?! Весь Новый год отсиживаться в ванной, потому что на тебя положил глаз босс твоего будущего мужа. Допустим, у тебя с Волчатовым общие деньги. Но почему у

вас должны быть общие женщины? Этой... женой ты с ним тоже делишься? Или у него право первой ночи?

Андрей. Но ты же знаешь Волчатова...

Даша. Знаю. Секретарши, к твоему сведению, не только безотказны. Они еще и наблюдательны. Профессия такая! Интересно, а если бы Волчатову нравились мужчины, ты бы ему тоже не посмел отказать?

Андрей. Ну, ты скажешь! А кто такой Николашка?

Даша. Сам-то не догадываешься?

Андрей. Ага, значит, вы по-современному: сначала завели ребеночка, а потом расписались?

Даша. Занятия бизнесом явно обострили твой интеллект. А эту Нину, значит, ты взял сразу после меня?

Андрей. Нет, сначала вообще никого не было. Ждал, что ты вернешься. Потом была Лиза. Ей повезло – она вышла замуж за Камалю, директора завода ядохимикатов. Помнишь, такой лысый с искусственным глазом?

Даша. Еще бы!

Андрей. После нее была Галя. Но она Волчатову понравилась... А потом уже – Нинка. Она молодец. По-английски шпарит на всех переговорах. Я только киваю. Бухгалтерию тащит. Машину водит – можно расслабиться...

Даша. Напиться как свинья.

Андрей. Я теперь пью гораздо меньше. А утром всегда напомнит: с кем встреча, когда переговоры. Я без нее как без рук. *(Пытается обнять Дашу.)*

Даша. Руки! Убери сейчас же руки! Я закричу!

Андрей. Кричи! Прибежит твой муж – и что ты ему скажешь?

Даша. Отпусти, прошу тебя!

Андрей *(отпуская).* А говорила, узнаешь по одному прикосновению.

Даша. По одному прикосновению узнают тех, кого любят...

Андрей. Значит, ты меня больше не любишь?

Даша. Ты сам во всем виноват. Сколько раз я тебя просила: уйди от Волчатова. Уйди! Не нужны нам эти грязные деньги. Не нужны его подачки. Бонусы!

Голос Олега. Да-аша, скорей! Ужин стынет...

Даша. Сейчас! *(Андрею.)* Уходи!

Андрей. Как я уйду? Он под балконом стоит.

Даша *(отпирая боковую дверь).* И чтобы я тебя больше не видела! Никогда!

Андрей скрывается в своем номере. Даша бросается ничком на кровать.

Сцена третья

Холл. Под пальмой накрыт стол на четверых. Петровы и Сидоровы церемонно ужинают.

Паркинсон – за официанта.

Паркинсон. Рекомендую! Эта телятина приготовлена по старинному рецепту эротической кухни.

Андрей. Я в «Плейбое» читал, что петрушка возбуждает, а мята – наоборот. Поэтому чай с мятой на ночь пить нельзя...

Олег. На ночь лучше всего корень мандрагоры.

Андрей. Не понял?

Олег. Это наподобие жень-шеня.

Паркинсон. Для молодоженов вы что-то слишком рано, интересуетесь возбуждающими средствами.

Андрей. Женщина – лучшее возбуждающее средство.

Даша. Женщина – не средство.

Олег. Женщина – это повод для нежности в нашей грубой жизни.

Нина (*потирая щеку*). Неужели! Как интересно! Вы, э-э... Олег, кажется, писатель? И что же вы пишете?

Олег. Романы.

Нина. Их печатают? По моим наблюдениям, писатели обычно складывают рукописи в коробки из-под куриных окорочков. Эти коробки стоят потом по всем углам, пылятся и, когда ходишь по комнате, все время о них спотыкаешься! Все время!

Даша. Ну что вы! Ничто нигде не пылится. У нас рукописи с руками отрывают. Наш роман «Свидетели соблазна» две недели занимал вторую строчку в рейтинге продаж.

Паркинсон (*наливая вино*). О время, о нравы! Дожили. Раньше книги занимали место в сердцах современников, а теперь – в рейтинге продаж.

Нина. Что-то я ваших книг не видела. Простите, как ваша фамилия?

Олег. Сидоров.

Нина. Сидоров. Олег Сидоров... Нет, вы мне никогда не попадались.

Олег. Никогда?

Нина. Никогда.

Даша. А он вам и не мог попасться, потому что Олежек издается под псевдонимом.

Нина. Давно?

Олег. Уже три года.

Нина. Ага... Три года. Ну, понятно... И что же это за псевдоним?

Даша. Ольга Чибисова.

Андрей. Что-о?! Ольга Чибисова? Это – вы? Не может быть! У меня все девицы на фирме зачитываются вашими книжками!

Нина. Оригинальный псевдоним. Но он вам подходит. Ольга Чибисова мне действительно попала. Такие маленькие книжонки, а на обложках яркие рисунки, как на презервативах.

Олег (*смущенно*). Рынок есть рынок.

Нина. Мне даже в голову не приходило, что Ольга Чибисова это...

Даша. Мне тоже! Мы так смешно познакомились. Я пришла устраиваться секретаршей в одно издательство.

Нина. Так вы по профессии секретарша?

Даша. Да. С дипломом делопроизводителя. Кроме того, владею бухгалтерским учетом. Английский – свободно. Недавно курсы закончила. А сейчас хожу в автошколу.

Андрей. Надо же!

Нина. Андрей, не перебивай! Значит, вы пришли в издательство и...

Даша. Пришла и вдруг вижу: у них в приемной стопками стоит новый роман Ольги Чибисовой «Оргазм взаимности».

Нина. Боже, а я все думала, кто же мог написать такую хреновину? Но самое смешное – покупают. И платят, наверное, хорошо?

Даша. Очень хорошо. Мы даже дачу в Переделкино покупаем...

Нина. Дачу?

Андрей. Не перебивай! (*Даше.*) Рассказывайте дальше!

Даша. Да, увидела стопки и спрашиваю: «Можно у вас купить эту книгу? Моя мама без ума от Ольги Чибисовой!» А мне отвечают: «Вы можете не только купить, но и получить автограф автора. Видите, возле кассы пересчитывает деньги мужчина в очках. Это – она...»

Нина. И вы не удивились, что это мужчина?

Даша. Удивилась, конечно... Подошла и спросила: «Это вы?»

Олег. А я ответил – «Это я...»

Оба встают, представляя в лицах то давнее знакомство. Андрей и Нина ревниво внимают их рассказу.

Даша. Можно у вас попросить автограф для моей мамы?

Олег. Конечно! А почему вы на меня так смотрите?

Даша. Потому что никогда раньше не видела Ольгу Чибисову.

Олег. И вас не смущает, что я мужчина?

Даша. Наоборот. Это так приятно, что интересная писательница оказывается вдобавок еще интересным мужчиной...

Нина. От лесты последние мозги отшибает...

Даша. У кого?

Нина. У писателей.

Андрей. Не перебивай! Продолжайте!

Олег (*галантно*). Сегодня у меня как раз презентация этого романа в Доме литераторов. Разумеется, с фуршетом. Я вас приглашаю!

Даша. Это так неожиданно. Мы едва знакомы...

Олег. Считайте, вас приглашает известная вам Ольга Чибисова.

Даша. Вот так мы и познакомимся.

Нина. Очень романтично. А потом?

Олег. Потом мы гуляли по ночной Москве, и это была самая лучшая ночь в моей жизни!

Нина. Так мужики всегда говорят, когда ничего не помнят.

Олег. Вообще-то, я переборщил на презентации. Меня тогда мексиканский атташе учил пить текилу...

Нина (*ревниво*). На презентации были дипломаты?

Даша (*простодушно*). Конечно. Ольгу Чибисову переводят во всем мире. Олег столько стран объехал. Перед самой свадьбой мы летали в Италию. Там издали «Фаллическую рулетку». А знаете, сколько алых роз Олег приносил мне на каждую встречу, когда ухаживал за мной?

Нина. Сколько?

Даша. Тридцать одну. Знаете, почему?

Нина. Вам тридцать один год.

Даша. Мне двадцать четыре.

Нина. Вы неплохо сохранились...

Андрей. Так почему тридцать одну розу?

Нина. Потому что мы познакомимся тридцать первого марта.

Нина. Надо же... Когда-то я была знакома с писателем... Но он мне больше одной гвоздики никогда не дарил, хотя познакомимся мы с ним всего-навсего третьего октября.

Олег. Может быть, он просто был бедным?

Нина. Это не оправдание! За все наше знакомство не подарил мне ничего...

Олег (*возмущенно*). А духи к Восьмому марта?

Даша. В самом деле, неужели и духов не дарил?

Нина. Духи? Конечно, «Серебристый ландыш»... Я ими тараканов морила. Кстати, мой муж специализируется на бытовых насекомых...

Олег. В каком смысле?

Андрей. Оптовые закупки ядовитых аэрозолей в арабских странах.

Нина. Так вот, ни один ядовитый аэрозоль не убивал тараканов так, как «Серебристый ландыш»!

Андрей. Ты мне никогда не рассказывала про этого писателя!

Нина. Зачем? У нас же ничего не было.

Даша. Удивительно, какие разные писатели бывают!

Нина. Лерка, правильно говорила: плюнь на это ничтожество, ты еще встретишь настоящего мужчину! Вот я и встретила! (*Обнимает мужа.*)

Даша. А кто это – Лерка?

Нина. Вообще-то ее зовут Калерия. Очень редкое имя. Мы сидели за одной партой. Она была моей лучшей подругой. Нам даже одни и те же одноклассники нравились. Но теперь мы почти не видимся.

Олег. Почему же?

Нина. Между подругами, надеюсь писателям это известно, иногда такое случается. Даже на свадьбу ко мне не пришла. Знаю, только, встречается они теперь с каким-то маммологом. И у них серьезно...

Андрей. Не понял. С кем встречается?

Олег. Маммолог – специалист по женским бюстам.

Андрей. Это профессия или хобби?

Нина. Дорогой, не задавай глупых вопросов. Маммолог – это врач. Они познакомились в поликлинике. Она пришла на прием, разделась – он увидел и влюбился.

Олег. Наверное, было во что влюбиться.

Андрей. Дорогая, у тебя теперь не хуже.

Олег (*Андрею*). А как вы с Ниной познакомились?

Андрей. Обыкновенно. У меня была секретарша Галя, исполнительная девушка. И вдруг на нее положил глаз Волчатов...

Олег. А кто это?

Андрей. Вам лучше не знать. В общем, Гали не стало. Я дал объявление в газету: мол, требуется секретарша и все такое прочее...

Даша (*ехидно*). И что же означает «все такое прочее»?

Андрей. Ну, вы тоже были секретаршей. Должны бы знать...

Даша. Нет, не должна. Я работала у одного бизнесмена. Когда он в первый раз попросил меня вечером задержаться, запер кабинет и... Я разбила о его голову компьютер.

Андрей. Не убили?

Даша. К сожалению, нет.

Олег. Ты мне об этом никогда не рассказывала!

Даша. Зачем? У нас же с ним ничего не было.

Нина. А вот это бросьте! Такого не бывает, чтобы у шефа с секретаршей ничего не было.

Даша. Вы, вероятно, судите по себе?

Нина. Ах, вот мы какие! У нас уже зубки прорезываются!

Олег. Не перебивай! Рассказывайте...

Андрей. В общем, после объявления – набежали... Старушка со своим «ремингтоном» притащилась. Песок сыпется. Я, говорит, еще у Луначарского работала! Другая прямо с Тверской, с рабочего места примчалась. Юбка – вот по сих пор... Даже одна школьница прискакала. Говорит, пишу с ошибками, но все остальное умею на «пятерку». И вдруг входит Нина. Волосы на пробор, платье длинное и – в очках...

Нина. Очки я у Лерки взяла. Она дальнозоркая. (*Снимает очки с Олега.*) Для убедительности. Ни черта в них не видела. Большое пятно мужской формы.

Нина и Андрей встают, изображая ту давнюю первую встречу.

Андрей. Проходите, садитесь.

Нина. Я по объявлению.

Андрей. Вы уже работали секретаршей?

Нина. Нет, никогда. Но я хорошо завариваю кофе.

Андрей. Этого мало.

Нина. Странно, во всех фильмах секретарши только и делают что заваривают кофе.

Андрей. Ну, нет! Я недавно фильм смотрел: там секретарша не только кофе заваривает...

Нина. Я согласна.

Андрей. А еще надо работать на компьютере, соединять меня с нужными людьми и отшивать разных там козлов, помнить, когда и где переговоры, с кем я обедаю, ужинаю...

Нина. А с кем вы сегодня ужинаете?

Андрей. Пока не знаю.

Нина. А почему бы вам сегодня не поужинать со мной?

Даша. В первый же день? Я бы – ни за что...

Нина. Почему же?

Даша. Потому что у женщины должна быть гордость. Потому что мужчина должен женщину завоевать... Взять, как крепость!

Нина. Вам, милая, нужно было в средние века родиться. Нынешние мужчины берут только те крепости, в которых ворота открыты. Настежь. Ворота, милая моя, надо запирать не до, а после...

Олег. Ну и чем закончился ваш ужин?

Нина. Меня приняли на работу без испытательного срока.

Олег. А потом?

Нина. Потом я сняла очки, обнаружила, что мой новый шеф – очень даже приятный холостой мужчина, и решила: ему нужно жениться.

Даша. На вас?

Нина. А на ком же еще?

Андрей. Точно! Волчатов, как Нинку увидел, так сразу мне говорит: бери – не думай! Такая тебе и нужна – хваткая!

Даша. Опять этот ваш Волчатов!

Олег. А я бы сто раз подумал.

Нина. Почему это?

Олег. С секретаршей в случае кадровой ошибки имущество делить не надо...

Нина. Какие же писатели нудные!

Появляется Паркинсон с блюдом.

Паркинсон. А теперь – десерт.

Даша. Я не хочу десерт. Я хочу... Я хочу... в море.

Олег. Уже темно, а ты боишься темноты!

Даша. После шампанского я ничего не боюсь! Идешь со мной?

Олег. Я плохо плаваю, ты знаешь...

Нина. Как же вы тогда написали свой «Экстаз в океане»? Там все происходит в воде!

Олег. Для писателя главное – воображение.

Нина. Увы, это так.

Андрей. Даша, давайте я с вами сплаваю!

Олег. Это не опасно?

Нина. Не волнуйтесь. Мой муж может сплавить в Турцию и обратно. Он мачо. Водоплавающий...

Андрей и Даша уходят.

Нина (*глядя вслед*). Наивная дурочка... Тебе с ней не скучно?

Олег. Ну, знаешь, твой тоже заторможенный какой-то. Ты ему часто изменяешь?

Нина. Не очень. По субботам.

Олег. Почему по субботам?

Нина. По субботам он ходит с Волчатовым в баню.

Олег. Вы все время вспоминаете этого Волчатова...

Нина. Жуткий человек. Бандит. В постели с ним чувствуешь себя самоубийцей. Но что поделаешь – фирма и деньги принадлежат ему. Андрей у него на побегушках. К сожалению, я поняла это слишком поздно.

Олег. А что, на ядовитых аэрозолях можно хорошо заработать?

Нина. На каких аэрозолях! Это – крыша. На самом деле Волчатов... (*Шепчет на ухо.*)

Олег. Кошмар! Это же опасно!

Нина. Еще бы! Живу и не знаю, когда вдовой стану.

Олег. Ты, конечно, можешь наплевать на мой совет. Но как твой бывший... Ты должна убедить мужа бросить это занятие!

Нина. А на что мы будем жить? Не все же замужем за Ольгой Чибисовой. Знаешь, где работал Андрей до того, как появился Волчатов?

Олег. Где?

Нина. В детской спортивной школе. Тренером. Догадываешься, сколько он получал?

Олег. Я за тебя боюсь!

Нина. Ты лучше за себя бойся. Твоя половина очень странно смотрит на моего благоверного. Все время смотрит.

Олег. Даша не такая!

Нина. Дурак ты, хоть и Ольга Чибисова! Верность жены это всего лишь одно из достоинств ее мужа...

Олег. А верность мужа?

Нина. Стечение обстоятельств.

Олег. Надо записать! Ты не только похорошела, но и поумнела.

Нина. Спасибо! Просто ты от меня отвык.

Олег (*потирая щеку*). Это верно...

Появляется Паркинсон. На голове у него венчик, в руках снова – лира.

Паркинсон. Если не возражаете, я исполню вам песнь Анакреонта.

Олег. Валяйте!

Паркинсон (*бряцая лирой*).

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей.
Зубы в деснах ослабели

И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет выхода оттуда...

Затихает пенье. Все трое сидят в задумчивости. Быстро входит взволнованная Даша. Следом за ней плетется растерянный Андрей.

Олег. Замерзла? Холодная вода? Ты вся дрожишь!

Даша. Вода. Какая вода? Ах, да – очень теплая. Но мы заплыли слишком далеко.

Нина. И насколько же далеко вы заплыли?

Раздается телефонный звонок.

Паркинсон. Господин Петров, вас!

Андрей подходит к стойке, берет трубку, некоторое время слушает и меняется в лице.

Андрей (в трубку). Ты?... Не понял... Понял. (Кладет трубку, поворачивается к жене.) Это Волчатов... Он в городе. Прилетел из Москвы. Что-то случилось...

Нина. Что случилось?

Андрей. Не знаю. Но что-то очень серьезное! Вызывает...

Нина. Когда?

Андрей. Сейчас.

Даша. Но ведь уже ночь!

Андрей. Он никогда еще не говорил со мной таким голосом!

Даша. Боже!

Нина. Поедешь утром. Я сказала!

Андрей. А он сказал: немедленно. Поняла? Господин Паркинсон, как мне выбраться отсюда?

Паркинсон. Я вызову такси.

Снова раздается телефонный звонок. Андрей бросается к трубке, потом разочарованно протягивает ее Паркинсону.

Паркинсон. Отель «Медовый месяц». Ах, это вы, господин Тараканушкин. Помирились? Ну, вот видите! Вылетаете завтра? Прекрасно! Конечно, как договаривались: номер «люкс», «джакузи», кровать в стиле Людовика Тринадцатого, вид на гемуэзскую крепость...

Акт второй

Сцена первая

Утро следующего дня. Паркинсон накрывает к завтраку. Нина сидит под пальмой и курит. Из приемника доносится музыка.

Нина. Если бы у меня было много денег, я бы уехала куда-нибудь далеко-далеко, туда, где всегда лето, купила бы виллу на берегу океана и жила бы там совершенно одна. С двумя телохранителями. Блондином и брюнетом.

Входит Олег.

Паркинсон. Как море?

Олег. Восхитительное! Вода тепло-прохладная, как тело любимой женщины. А когда утром солнце поднималось из-за гор, казалось, начинается извержение нежного вулкана...

Паркинсон. Да. Солнце здесь всегда встает из-за гор, а садится в море. Вам глазунью или омлет?

Олег. Глазунью. Яичный желток у древних символизировал солнце. *(Нине, участливо.)* Ну как ты?

Нина. Готовлюсь стать вдовой.

Олег. Нет ничего сексуальнее молодой красивой вдовы. Все будет хорошо! Он вернется...

Нина. Сомневаюсь.

Олег. Почему?

Нина. В последнее время я вела в фирме бухгалтерию и, когда записывала приход, иногда теряла ноль. Всего один ноль. На шпильки. Ты же знаешь, я не люблю просить деньги у мужчин...

Олег. Да, у меня ты тоже все время без спросу по карманам шарила.

Нина. Если бы в твоих карманах что-нибудь было, возможно, я бы от тебя не ушла. Боюсь, Волчатов вычислил...

Олег. Твой муж не догадывался об этих нулях?

Нина. Муж? Нет. Он пропустил слишком много ударов в голову.

Из приемника доносится голос диктора.

Голос диктора. Сегодня утром в центре города выстрелами из машины убит мужчина средних лет спортивного телосложения. Личность погибшего устанавливается. Температура воздуха – двадцать два градуса. Моря – двадцать три.

Паркинсон. Не волнуйтесь, это не он. Ваш муж жив и здоров. Он вернется. В городе каждый день стреляют – делят сферы влияния. Скорей бы уж поделили!

Олег. Он обязательно вернется! Ты верь...

Нина. Обязательно. Вернется... Конечно вернется! А у меня даже нет с собой приличного черного платья...

Паркинсон. Сходите после завтрака искупайтесь, позагорайте. Это утешает. Море всегда утешает.

Олег. А вот интересно: выражение «безутешная вдова» обозначает женщину, которая не может утешиться, или вдову, которую просто некому утешить?

Нина. Больше тебя ничего не интересует?

Олег. Извини. Ты думаешь, это про Андрея... сказали?

Нина. Не знаю.

Олег. Ну и что ты будешь делать, если?...

Нина. Плакать.

Олег. А потом?

Нина. Скорбеть.

Олег. А потом?

Нина. Жить воспоминаниями.

Олег. А потом?

Нина. Потом – отобью тебя у жены... Где она, кстати?

Олег. Наверху. Всю ночь не спала. Наверное, из-за полнолуния. Не отобьешь!

Нина. Отобью.

Олег. А ведь ты Андрея совсем не любила... не любишь... Ты его не любишь даже сильнее, чем не любила меня.

Нина. Ух ты! Думаешь, взял бабский псевдоним и стал разбираться в женщинах?

Олег. Да, теперь кое-что понимаю. Есть женщины, которые никогда не пойдут в театр без мужчины, даже если им очень хочется посмотреть спектакль. А с мужчиной пойдут смотреть любую чепуху. Они же не смотреть идут, а показывать себя и своего мужчину. Ты такая!

Нина. Жаль, нет твоей жены, она бы записала... Дай воды!

Олег. Тебе плохо?

Нина. Хуже некуда. Допустим, Волчатов его не убил, а просто выгнал... На что мы будем жить? Мужик, как автомобиль: если начинает барахлить, от него нужно сразу избавляться. Потом будет поздно.

Олег. И пересаживаться в другой автомобиль, новый?

Нина. Или в старый, но надежный.

Олег. И после таких слов ты хочешь отбить меня у жены?

Нина. Боже, как будто мужей отбивают словами!

Олег. Нина, запомни: к прошлому возврата нет. Прошлая жизнь – это город детства, о котором можно вспоминать, мечтать, сожалеть, но в него уже никогда не вернешься... Разве что проездом. Черт, забыл блокнот!

Паркинсон. А вот и глазунья. Помните у Гомера?

Чтобы супруг после битвы ночной стал могучим как прежде,
Утром глазунью в постель подавала ему Андромаха...

Олег. Что-то не помню.

Паркинсон расставляет тарелки. По лестнице спускается Даша. Отдает ключ от номера Паркинсону.

Паркинсон (вешая ключ на доску). Только что передавали курортные новости. В городе опять стреляли...

Даша (хватаясь за стойку). В кого?

Паркинсон. В мужчину средних лет, спортивного телосложения...

Даша. Надо ехать. Надо скорее ехать в город!

Нина. Зачем? Что случилось – то случилось...

Даша. Как вы можете так спокойно об этом говорить?

Нина. Я всегда была к этому готова. Жена бизнесмена, как жена летчика-испытателя... Разница только в том, что в случае чего президент не выражает тебе соболезнование и почетный караул не палит в воздух. Зато плита на могиле раз в пять больше, чем у испытателя...

Паркинсон. Не волнуйтесь, личность убитого еще не установлена!

Олег (*раздумчиво*). Идиотское выражение – «личность убитого». Какая у убитого может быть личность? Смерть это – конец личности. Надо говорить – безличность убитого устанавливается... (*Даше*.) А почему ты не записываешь?

Даша. А почему я должна записывать разную чепуху?

Олег. Еще вчера ты так не думала!

Даша. Откуда ты знаешь, что я думала вчера?

Олег. Но ты говорила...

Даша. Мало ли, что я говорила... Потаскухи зарабатывают себе на жизнь телом, а жены – словами...

Нина. Bravo, милочка! Но у вас такой вид, будто вдовой готовитесь стать вы, а не я.

Даша. Я не знаю... Но если бы такое случилось с моим мужем, я не сидела бы здесь...

Нина. Только не учить меня скорби. Не надо!

Паркинсон (*Даше*). Что бы вы хотели на завтрак? Омлет, кофе?

Даша. Нет, я не хочу есть. Я ничего не хочу...

Паркинсон. Тогда искупайтесь. Море утешает.

Даша. Да, конечно... Мне надо побыть одной.

Нина. Странное желание во время медового месяца.

Паркинсон. Прогуляйтесь по берегу до Сердоликового грота. Там купалась Афродита. Или вот еще хорошее развлечение: найдите плоский камень и пустите его по воде. Сколько раз камень подпрыгнет, столько в жизни у вас будет любовей. Недавно тут гостила одна пара. У него камень подпрыгнул восемь раз, а у нее – девять. Они были так довольны!

Даша. Я не умею бросать камни.

Олег. К обеду ты, надеюсь, вернешься?

Паркинсон. Не опаздывайте! Будет барашек по-боспорски и десерт «Сад Митридата».

Даша уходит.

Нина. За такое поведение я бы на твоём месте ее наказала!

Олег. Как?

Нина. Подумай!

Олег. Я не возьму ее на презентацию в Палермо.

Нина. Это мелко. Хотя я с удовольствием слетала бы в Палермо.

Олег. Я обещал ей купить шубу из серебристой норки. Не куплю!

Нина. Это уже лучше! У женщин особое отношение к шубам. Когда мне дарят что-нибудь меховое, у меня возникает чувство, будто это не шуба, а шкура, которую мужчина содрал с себя заживо и сложил к моим ногам! Но по-настоящему женщину можно наказать только изменой!

Олег. Скажешь тоже! С кем? Здесь! Если только с Паркинсоном...

Нина. А со мной!

Олег. Да, действительно, я как-то не сообразил. Но какое же это наказание, если Даша о нем не узнает?

Нина. Глупый, это самое замечательное наказание. Мужчины – дураки, им обязательно надо, чтобы женщина узнала и взбесилась. Учись у женщин, ты же как-никак Ольга Чибисова!

Самое большое наслаждение в воскресенье идти по улице под руку с благоверным и незаметно кивать тем, с кем ты ему мстила, мстила, мстила...

Олег. Какая ты мстительная! Ты и мне так же мстила?

Нина. Ну что ты! Тебе я была верна как идиотка. Пошли!

Олег. А если она вдруг вернется?

Нина. Она не успеет. Мы же идем не любовью заниматься. Мы идем наказывать твою жену. Для этого и минуты хватит...

Олег. Как-то неловко. Твой муж...

Нина. Ты же сам сказал, нет ничего сексуальнее молодой красивой вдовы!

Олег. И потом, у меня все-таки медовый месяц...

Нина. Ты писатель или кто? Разве в твоей писательской копилке есть случай, когда мужчина изменял своей новой жене со старой женой во время медового месяца!

Олег. Нет.

Нина. Тогда пошли? В моем номере никто не помешает...

Олег (*Паркинсону*). Если вернется Даша, скажите, что я пошел... пошел прогуляться по берегу.

Паркинсон. В какую сторону?

Нина. Скажите, что он пошел налево...

Поднимаются в номер. Паркинсон загадочно смотрит им вслед, протирая стаканы. Появляется Андрей с чемоданчиком в руке.

Паркинсон. Вы все-таки живы?

Андрей. Не понял? Я бы давно вернулся, но у таксиста спустило колесо. А запаска оказалась дырявой.

Паркинсон. Вот всегда у нас так: если дороги хорошие, то запасного колеса нет.

Андрей. Где моя жена?

Паркинсон. Вам она очень нужна?

Андрей. Надо сказать ей, что все в порядке! Хотя какой там порядок... Волчатова убили.

Паркинсон. Что вы говорите!

Андрей. Прямо на моих глазах. (*Вздыхает и хочет уйти.*)

Паркинсон (*не отпускает*). Расскажите, как все было?

Андрей. Что именно?

Паркинсон. «Разборка». Так это, кажется, называется? Знаете, у меня довольно старомодные представления о таких вещах. Вот помнится, Ахилл забил стрелку Гектору под стенами Трои...

Андрей. Сам толком не знаю, как это случилось. Волчатов приехал кого-то разводить. Дал мне чемодан – подержать. И пошел. И все. Из автоматов – в лохмотья.

А ведь он был чемпионом страны в полутяжелом весе. Всегда заканчивал бой нокаутом. Где моя жена? Она, наверное, очень волновалась...

Паркинсон. Места себе не находила. Нашла буквально только что.

Андрей. Пойду переоденусь. И в море, в море! Смыть с себя все это...

Паркинсон (*хватая его за рукав*). Выпейте кофе! А вот замечательный омлет с креветками...

Андрей. Отлично! Я проголодался. (*Садится за стол, ест.*) А где, ну... наши соседи? Даша и этот, как его – писатель...

Паркинсон. Господин писатель собирает материал для нового романа. А его супруга купается. Вон, видите – из воды выходит. Знаете, у нее, конечно, не такие пышные формы, как у вашей жены... Но какое изящество! Греки называли таких женщин – тонколодыжными...

Андрей (*мечтательно*). А я и забыл уже, какая она! Вчера было темно...

Паркинсон. Что вы говорите?

Андрей. Так... Ничего... Переоденусь и тоже искупаюсь. (*Встает.*) Что у нас сегодня с морем?

Паркинсон. Отлично у нас сегодня с морем! А вот что у нас сегодня с долларом? Я собираюсь поменять крупную сумму. Хочу с вами посоветоваться, как со специалистом...

Андрей. Знаете, господин Паркинсон, когда видишь смерть, как вот вас сейчас, на эту зелень проклятую потом даже смотреть не хочется...

Паркинсон. Ах, как вы правы! Из-за этой резаной бумаги отвратительно зеленого цвета люди лишаются самого главного – солнца, моря, благодарного женского шепота...

Андрей. Точно!

Паркинсон. Тяжелая у вас жизнь.

Андрей. Надоело. Живут же люди как-то и без бизнеса!

Паркинсон. Без бизнеса люди и живут...

Андрей. Ладно, возьму плавки...

Паркинсон. Погодите! А как же обмен?

Андрей. Сколько вы хотите поменять?

Паркинсон. Вот... (*Отсчитывает из кассы несколько бумажек.*)

Андрей. Разве это крупная сумма?

Открывает кейс, полный долларов, берет несколько купюр и протягивает Паркинсону. Тот с изумлением смотрит на груды долларов.

Паркинсон. Боже! Сколько же это будет в серебряных тетрадрахмах!

Андрей. А бес его знает!

Андрей решительно направляется к лестнице. Паркинсон хватается за голову. Вдруг появляется Даша. Увидев Андрея, замирает.

Даша. Я пробовала бросить камень, но он подпрыгнул всего один раз. Андрю-юша! (*Бросается к нему.*) Ты жив, жив! Слава богу...

Андрей. Волчатова убили.

Даша. Я чуть с ума не сошла! Я думала, мы больше никогда не увидимся... Никогда!

Андрей (*отстраняя ее*). Но ты же вчера мне говорила...

Даша. Это было вчера! А сегодня все по-другому. По-другому! Потому что ты жив! Я не спала всю ночь...

Андрей. Конечно, я понимаю: медовый месяц...

Даша. Ничего ты не понимаешь. Господин Паркинсон, где мой муж?

Паркинсон. Гуляет.

Даша. В каком смысле?

Паркинсон. Вдоль берега. С вдовой господина Петрова.

Андрей. Не понял? С какой еще вдовой?

Паркинсон. С вашей. Мадам Петрова уже и не верила, что вы вернетесь. Поэтому сочла себя вдовой, а поскольку она пока еще не знает, что вы живы, то продолжает считать себя вдовой, и, таким образом, ваш супруг, мадам Сидорова, гуляет с вдовой господина Петрова. Вдоль берега.

Даша. Вот и хорошо, что вдоль берега. Дайте ключ!

Паркинсон. Пожалуйста! Но вы хорошо обдумали этот шаг?

Даша. Я не могу думать сейчас... (*Шепчет Андрею.*) Приходи через две минуты... Незаметно.

Даша поднимается по лестнице. Андрей смотрит на часы.

Паркинсон. Я бы посоветовал вам вложить деньги в недвижимость.

Андрей. Угу.

Паркинсон. Тут недалеко продается очень миленькая вилла.

Андрей. Угу.

Паркинсон. Садитесь в автомобиль, и через пять минут вы там.

Андрей. Через две минуты.

Паркинсон. Нет, через пять...

Андрей. Через две минуты. Незаметно!

Забыв чемоданчик в рецепции, с грохотом взлетает по лестнице.

Паркинсон (*глядя ему вслед*). О Афродита, соединяющая!

Сцена вторая

Сцена представляет собой два номера, разделенные перегородкой.

Шторы плотно задернуты. Темно. В одном из номеров загорается свет. В постели Нина и Олег. По всему видно, что любовь только закончилась.

Нина. Ну и как?

Олег. Странное ощущение!словно через несколько лет вернулся в город, где когда-то жил. Идешь по улице и вспоминаешь: вот пожарная каланча, вот школа, вот деревья... А главное – запахи, их никогда не забываешь. И все-таки город уже другой...

Нина. Лучше или хуже?

Олег. Другой. Как говорили древние, нельзя дважды войти в одну и ту же женщину, ибо женщина, ложащаяся с тобой, и женщина, встающая от тебя, это две разные женщины...

Нина. Записать?

Олег. Запиши.

Нина (*берет с тумбочки блокнот, пишет*), «...разные женщины». Кстати, у твоей жены плохой почерк.

Олег. Не надо. Даша очень хорошая! Ты знаешь, мне кажется, она уже достаточно наказана. Я, пожалуй, пойду. А то как-то неудобно получается...

Нина. Иди, если хочешь, чтобы она испортила тебе жизнь.

Олег. Почему она должна испортить мне жизнь?

Нина. Потому что она тебе не подходит. Тебе нужна другая женщина.

Олег. Чем же она мне не подходит?

Нина. Всем! Дорогой мой, запомни, существует два типа женщин. Одни должны мужа уважать, а другие – унижать. И есть два типа мужчин. Одним нужно, чтобы жена их уважала, а другим, чтобы унижала... Так вот, ты, милая моя Ольга Чибисова, женился на женщине, которой нужно мужа уважать...

Олег. Конечно. А как же иначе?

Нина. Боже, какой глупый! Ты же не выдержишь этого уважения. Уважению нужно соответствовать. Это примерно, как если всегда ходить в белом костюме: ни присесть, ни облокотиться, ни прислониться. Где в таком случае ты будешь брать материал для книг? Твоя писа-

тельская копилка опустеет. Ты знаешь, сколько талантов убил счастливый брак с порядочной женщиной?

Олег. Прекрати! Даша – женщина, которую я ждал всю жизнь.

Нина. Она говорила тебе, что дамские романы это, конечно, хорошо, но пора бы засесть и за серьезную прозу?

Олег. Говорила.

Нина. Я бы никогда не сказала. Она тебе говорила, что в таком случае готова смириться с тем, что у вас будет гораздо меньше денег?

Олег. Говорила.

Нина. Я бы никогда не сказала. Она тебе говорила, что ей не очень-то ловко быть женой Ольги Чибисовой?

Олег. Намекала.

Нина. И ты это терпел?

Олег. Терпел.

Нина. Бедненький!

Олег. Ну, знаешь. От тебя, когда мы жили вместе, я вообще не слышал доброго слова. Кто говорил, что я графоман?

Нина. Я.

Олег. Кто говорил, что я себе на носки не зарабатываю?

Нина. Я.

Олег. Кто говорил, что в постели от меня пользы меньше, чем от большой резиновой грелки?

Нина. Я говорила. Я! Так накажи меня за это. Накажи прямо сейчас!

Набрасывается на него. Гаснет свет. И тут же зажигается в другом номере. Даша и Андрей лежат в постели. По всему видно, что любовь только что закончилась.

Даша. Ты слышишь?

Андрей. Что?

Даша. Кто-то стонет.

Андрей. Это чайки кричат. Тебе было хорошо?

Даша. Мне всегда с тобой было хорошо. Даже если ты просто смотрел на меня. А помнишь, как ты удивился, что у меня до тебя никого не было?

Андрей. Помню.

Даша. А помнишь, что ты сказал?

Андрей. Нет.

Даша. Ты сказал, что последнюю девушку в тридцать шестом году задавил трамвай...

Андрей. У нас во дворе мужики так шутили. Это я тогда от растерянности. Глупо, правда?

Даша. Ужасно глупо.

Андрей. Я дурак. Мне нужно было сразу приползти к тебе на коленях. Ты бы простила меня?

Даша. Простила! Любовь наполовину состоит из прощения...

Андрей. Ты знаешь, я все эти годы жил как-то не так. И все время тебя вспоминал, разговаривал с тобой. Первое время даже забывался и по селектору тебя вызывал, а в кабинет входила другая... Сначала одна, потом другая...

Даша. У тебя с ними что-нибудь было?

Андрей. Ничего особенного. Я пошел к тебе на квартиру, а мне сказали: ты уехала, и передали твою записку: «Прощай...»

Даша. «... Не ищи меня. Это бесполезно». А почему ты меня не искал?

Андрей. Но ты же сама написала...

Даша. Мало ли что я написала? Если бы я не хотела, чтобы ты меня искал, разве бы я оставила записку? А соседка сказала тебе, что я уехала к маме?

Андрей. Да, по секрету. За сто долларов.

Даша. Это я ее просила.

Андрей. Ты?

Даша. Я.

Андрей. Че-ерт! Не сообразил... Если у меня будет сын, ни за что не разрешу ему заниматься боксом.

Даша. Я тоже. Знаешь, была осень. Теплая осень. Я сидела в нашем саду под облетающими яблонями, смотрела на калитку и все ждала, ждала, ждала тебя. Я была уверена, что ты обязательно придешь. Я даже пса на всякий случай привязывала. У нас очень злой пес. Я сидела и говорила ему: «Потерпи, потрепи, скоро придет папа!»

Андрей. Кому ты говорила?

Даша. Ему. Он был еще внутри меня, но он ждал тебя вместе со мной...

Андрей. Кто?

Даша. Помнишь, после нашего самого первого раза я говорила тебе, что у нас будет ребенок? А ты еще не поверил, сказал, что вот так сразу нельзя определить. Когда любишь, можно все!

Андрей. Не понял...

Даша. Он родился через восемь месяцев после того, как мы расстались...

Андрей. Понял!

Даша. Он весил четыре девятьсот. И врач сказал, что давно не видел такого здоровячка.

Андрей. У меня сын!

Даша. Я назвала его Николаем.

Андрей. Моего сына зовут Николай.

Даша. Но мы с мамой называем его Николашей...

Андрей (*обнимает Дашу*). Моего сына зовут Николаша!

Даша. Что ты делаешь?

Андрей. Хочу дочь!

Гаснет свет. И тут же зажигается в соседнем номере.

Олег. Ты ничего не слышишь? Скрип...

Нина. Не волнуйся, это маршал Трухачевский ищет свой чемодан... Тебе нужно развестись!

Олег. С какой стати? Мы неделю назад поженились.

Нина. Ну и что? Чем ближе развод к свадьбе, тем меньше проблем. У нее, кажется, еще и ребенок?

Олег. Я его усыновлю.

Нина. Дурачок, жениться на женщине с ребенком – это то же самое, что жениться на другом мужчине.

Олег. Что!/? Ты это все нарочно мне говоришь.

Нина. Конечно, нарочно, чтобы ты из своих чибисовых фантазий вернулся в реальный мир. Ты представляешь, папочка, что такое растить чужого сына?

Олег. А что в этом страшного?

Нина. Ничего. Просто рядом с тобой поселится маленький зверек, который, вырастая, будет все больше напоминать своего отца: те же глаза, голос, руки, брови... Кстати, где отец?

Олег. Погиб.

Нина. Ну, конечно. Случайные отцы почему-то непременно гибнут... Знаешь, у насекомых самки после спаривания иногда съедают своих возлюбленных. Может быть, твоя жена его съела?

Олег. Фу! Что ты такое говоришь!

Нина. Я знаю, что говорю. И чем больше он будет походить на своего отца, тем смертельней будет ненавидеть тебя за то, что ты не его отец. А она, глядя на вас, измучится, выбирая между тобой и сыном, так похожим на мужчину, который был до тебя и которого она любила больше тебя... Ты уверен, что она сделает этот выбор в твою пользу?

Олег. Прекрати!

Нина. Запомни: среди бытовых преступлений на первом месте убийства отчимов...

Олег (*истерично*). Прекрати-и!

Нина. Хорошо, прекращаю. Знаешь, о чем я по-настоящему жалею?

Олег. О чем?

Нина. О том, что не родила ребенка. У тебя был бы сейчас свой, настоящий сын, который, вырастая, все больше и больше напоминал бы отца. Тебя! А я бы смотрела на вас и узнавала в нем – тебя, а в тебе – его. Наверное, это и есть женское счастье!

Олег. Почему же ты не родила?

Нина. Сама не знаю... Это все Лерка: брось его – он неудачник, брось его – он павлин без хвоста. А когда она узнала, что я залетела, все уши мне прожужжала: не смей рожать! Это тебя привяжет навсегда! Я теперь думаю: она просто мне завидовала...

Олег. Догадалась, наконец-то! Ладно, дело прошлое: она мне даже в любви объяснялась. Сама.

Нина. Вот гадина! Ты с ней спал?

Олег. Только один раз.

Нина. Когда я легла на аборт?

Олег. Да.

Нина. Какой же ты подлец!

Олег. Прости.

Нина. Простить? Никогда. Ты будешь за это чудовищно наказан!

Олег. Я, пожалуй, все-таки пойду. Паркинсон может что-нибудь не то подумать...

Нина. Лежать!

Гаснет свет. И зажигается в другом номере. Даша и Андрей рассматривают фотокартточку.

Андрей. А рот у него твой.

Даша. Зато глаза и волосы твои. И походка. Такая же вразвалочку, как у медвежонка.

Андрей. Ну почему ты мне ничего не сказала?

Даша. Сначала я страшно обиделась, что ты меня не разыскал. А потом я подумала: вот приду к тебе с Николашей. Прощу тебя. Мы станем жить вместе. И что он увидит? Отца, которым помыкает Волчатов? Кем вырастет мой сын? Этот бандит сломал тебя. Он сломал бы и нашего сына... Нет!

Андрей. Хочешь я расскажу, как познакомился с Волчатовым?

Даша. Да.

Андрей. Мне было пятнадцать. Мы дрались с пацанами из другого микрорайона. У них своя территория. У нас – своя. Заходить в чужие дворы нельзя. Покалечат! А я тогда в первый раз влюбился. В одноклассницу...

Даша. Она была красивая?

Андрей. Наверное. Я проводил ее домой и так замечтался, что пошел через чужой двор. Их было человек восемь. Убить бы, конечно, не убили, но изувечили бы... И тут появился Волчатов. В черной куртке. Он их даже не бил – сшибал одни ударом, как кегли. Потом поднял меня, улыбнулся и сказал: «Мужчина должен уметь драться!» И дал адрес спортшколы, где работал...

Даша. Почему ты мне об этом никогда не рассказывал?

Андрей. Не знаю. Сначала я мечтал стать чемпионом. Мне даже снилось, я стою на пьедестале, слушаю гимн и от гордости плачу. Я просыпался в слезах. Но потом, оказалось, у меня нечемпионский характер.

Даша. Это неправда!

Андрей. Это правда. И я решил стать тренером. Хорошим тренером. Кто-то ведь должен растить чемпионов. И Волчатов одобрил, даже помог мне поступить в институт. А потом, через несколько лет, пришел и сказал: нечего возиться с этими сопленьшами, нужно настоящее дело делать. Он очень изменился после тюрьмы.

Даша. А за что его?

Андрей. Ни за что. Заступился за кого-то на улице и покалечил двух хулиганов. А в суде даже разбираться не стали. После этого он стал другим человеком. Он говорил, что уметь драться – это уметь жить!

Даша. Уметь жить – это совсем другое. Уметь жить – это значит быть в согласии с тем хорошим человеком, который внутри тебя. Понимаешь? Нельзя жить и все время чувствовать, как этот хороший человек говорит тебе: «Подлец! Вор!...» А потом он просто бросает тебя, и в душе поселяется мерзость, которая, когда ты совершаешь что-то доброе, твердит: «Дурак, ты не умеешь жить! Все вокруг воры и обманщики...» Это – смерть...

Андрей. Я всегда хотел вернуться в спортшколу, набрать хороших пацанов и научить их честно драться. Но я понимал, Волчатов непустит...

Даша. Волчатов умер. Или он уже внутри тебя?

Андрей. Нет.

Даша. Ты уверен?

Андрей. Да, уверен.

Даша. И ты готов жить бедно, но честно?

Андрей. Бедно? С тобой – готов! (*Снимает трубку.*) Господин Паркинсон, как там мой чемоданчик, цел? Хорошо. Когда придет такси – позвоните! (*Вешает трубку.*) Собирайся!

Даша. Куда?

Андрей. Домой.

Даша. А если я не хочу?

Андрей. Хочешь.

Даша. Да, хочу, хочу, хочу! Но мы должны сказать правду твоей жене. Нельзя начинать новую жизнь со лжи!

Андрей. А со скандала – можно? Такое начнется! Она считает себя вдовой. Вот и пусть считает... С ней лучше разговаривать через адвоката. Мне надо взять вещи.

Андрей встает, отпирает боковую дверь и входит в полутемный номер. Шарит.

Андрей. Где же мой чемодан!

Нина (*в ужасе*). Маршал Трухачевский!

Олег. Не может быть!

Нина. Он! Чемодан ищет!

Олег. Да ты что? (*Ищет очки.*) Погоди, я должен увидеть. Никогда не видел призраки!

Нина. Надо отдернуть штору – призраки боятся дневного света!

Нагишом вскакивает, отдергивает. В номере становится светло и очевидно.

Андрей (*увидев их*). Не понял...

Нина. Ты?

Андрей. Я.

Нина. Живой?

Андрей. Нет, вернулся с того света спросить, чем вы тут занимаетесь?

Олег снимает очки и прячется под одеялом.

Нина. Это трудно объяснить... Понимаешь, по радио передали... Я подумала... А тут Олег зашел... С соболезнованиями... Стал меня успокаивать...

Андрей. Успокоил?

Нина. Немного...

Андрей молча берет чемодан, оглядывается.

Андрей. Где мое подводное ружье?

Нина. Зачем?

Андрей. Сейчас узнаешь!

Нина. Убийца... Научился у Волчатова! Олег, он хочет тебя убить!

Олег (*из-под одеяла*). А по-моему, он хочет убить тебя.

Нина. Хорошо – он хочет убить нас. Тебе легче от этого? Надо кричать! Звать на помощь!

Олег, Нина (*хором*). Спасите! Убивают!

На крик вбегает Даша. Смотрит с удивлением.

Даша (*мужу*). Эх ты, а говорил, твой изменный фонд исчерпан.

Олег. Теперь уж точно исчерпан... Совершенно идиотская ситуация. Меня еще никогда не заставляла жена. Ощущение, как будто украл в Макдоналдсе «Биг-мак», а тебя поймали...

Даша. Записать?

Олег. Я все тебе объясню.

Даша. Не надо. Я уезжаю.

Олег. Почему? Из-за нее? Подожди! Дело в том, что Нина – моя бывшая жена...

Андрей (*находит ружье*). Тогда другое дело!

Даша. Зачем же было притворяться? Я все поняла бы...

Олег. Я стеснялся. В общем, мы разговорились, вспомнили прошлое...

Даша. Я рада за вас.

Олег. Это больше не повторится! Я окончательно убедился, что ты лучшая женщина во всех смыслах!

Нина (*придя в себя*). Неужели? А сами-то вы, голубки, что в номере делали?

Андрей. Давай сейчас не будем...

Нина. Нет уж, давай сейчас!

Андрей. Я тороплюсь.

Даша. погоди, Андрюша! Надо всегда говорить правду. Мы с Андреем любим друг друга.

Олег (*выскакивая из-под одеяла*). Ты! Ну ладно еще – я... Но ты! С незнакомым. На второй день. А говорила, что для тебя нелюбимый мужчина – это бесполой прохожий. Ничего себе бесполой прохожий!

Нина. Теперь ты понял, что я права?

Даша. Мы любим друг друга четыре года. С тех пор, как я работала у Андрея...

Нина. Так это, значит, про тебя мне рассказывали?

Даша. Про меня. Я думала, это прошло... Я даже Николашке сказала, что его отец погиб...

Олег. В горячей точке?

Даша. Да.

Олег. Комедия... Ну почему я не пишу комедий?

Нина. В самом деле – почему? За них хорошо платят.

Олег. А я еще хотел усыновить твоего ребенка. Хотел стать ему отцом!

Нина. Не надо никого усыновлять. Я тебе рожу настоящего ребенка!

Олег. Роди его себе. (*Даше*.) Ну чем он лучше меня? Допустим, у него нет живота и есть бицепсы. Но он же тупой! И рожа неандертальца.

Андрей медленно подходит и замахивается правой рукой. Олег в испуге закрывает лицо и, получив левый апперкот, падает на пол.

Олег. Бей! Отбил жену – теперь почки отбей.

Даша. Не трогай его!

Олег с трудом поднимается.

Олег. Ах, какие мы благородные! Ты врешь. Ты нарочно все придумала, чтобы оправдаться. Нимфоманка! Дай фотографию сына! Немедленно! (*Вырывает из ее рук снимок, сравнивает с Андреем*.) Нет, совсем не похож. Только глаза такие же наглые... А нос мой и улыбка моя...

Нина (*берет карточку*). Улыбка твоя, а ребенок его. Дураку видно. Все ясно. (*Андрею*.) Поздравляю, муженек! Я жалею только об одном...

Андрей. О чем?

Нина. О том, что не успела прописаться в твою квартиру. Делиться будем так: расходы в суде твои, джип – мой...

Андрей. Договорились.

Входит Паркинсон. В руках у него чемоданчик.

Паркинсон (*Андрею*). Приехало такси. Вот ваши деньги. Все цело. Доллар к доллару.

Андрей. Спасибо.

Нина. Какие такие деньги?

Андрей. Мои деньги.

Нина. Что значит – «мои деньги»? Я пока еще твоя жена – и деньги у нас общие. Сколько там?

Андрей. Не знаю. Около миллиона.

Нина. Он не знает, Рокфеллер! Дайте сюда! (*Вырывает чемоданчик у Паркинсона, открывает, присвистывает*.) Откуда столько зелени?

Андрей. Это все, что осталось от Волчатова.

Нина. Немало осталось. По закону половина – моя.

Андрей. По какому закону?

Нина. Все совместно нажитое имущество принадлежит супругам в равных долях. Перед свадьбой, дорогой, нужно читать не пособия по сексуальной гармонии, а брачное законодательство. Сам отдашь или будем судиться?

Андрей достает калькулятор, потом обреченно машет рукой.

Андрей. Ладно, полмиллиона можешь забрать.

Нина. Хорошо. Кроме того, за нанесенный моральный ущерб я хочу получить компенсацию в размере двадцати пяти процентов от общей суммы. Двести пятьдесят тысяч.

Андрей. Не понял. Какой еще моральный ущерб?

Нина. Обыкновенный. Во-первых, ты изменил мне буквально на моих глазах...

Андрей. А ты!?

Нина. Я... я на это пошла, будучи фактически вдовой. К тому же, Олег был раньше моим законным мужем. А ты... ты с какой-то секретаршей...

Андрей (*потрясая подводным ружьем*). Убью!

Нина. Сядешь, как Волчатов. Во-вторых, вступая в брак, ты скрыл, что у тебя ребенок. Это аморально.

Андрей. Я не знал...

Нина. Не знать о существовании собственного ребенка вдвойне аморально. Могу потребовать еще пятьдесят процентов от общей суммы. Но я не грабительница. Двадцать пять процентов. Еще двести пятьдесят тысяч. И мы в расчете.

Андрей (*тычет пальцем в калькулятор*). А мне?

Нина. А тебе нужно серьезнее относиться к выбору секретарш, дорогой! Найми кадрового психолога. Шагай в ногу со временем!

Андрей. В ногу со временем? Понял... (*Выхватывает у нее чемоданчик, угрожая подводным ружьем*.) Ты не получишь ни копейки, аферистка!

Нина. Придется вызвать милицию. Паркинсон, звоните! Здесь вооруженный грабеж!

Паркинсон. Пока я вижу только слишком нервное обсуждение семейного бюджета.

Даша. Андрей, прошу, тебя отдай, не спорь с ней!

Андрей. А что она, вообще...

Даша. Отдай!

Андрей. Не отдам. Мои деньги!. Знаешь, сколько я от Волчатова натерпелся?

Даша. Тогда я уйду. У тебя и в самом деле нечемпионский характер. Твоему сыну гордиться нечем!

Андрей. Стой! (*Нине*.) Бери половину!

Нина. Значит, хочешь, чтобы в отделе по борьбе с оргпреступностью узнали, что Волчатова убил ты?

Андрей. Я не убивал! Я вообще ничего не знал...

Нина. Докажи! Я-то тебе верю. Но следователи ужасно недоверчивые люди. У них план, текучка...

Андрей. Шантажистка! Я тебя убью!

Наводит подводное ружье.

Нина. Отлично! Меня ты хотел устранить как свидетеля. Все видели? Паркинсон, звоните! Здесь покушение на убийство!

Паркинсон. Пока я вижу только обычную семейную ссору.

Нина. Скоро увидите обычный труп жены, пронзенной, как ставрида! Тупой грек!

Даша. Андрей, успокойся! Давай отойдем, я хочу тебе кое-что сказать...
Андрей. Что?

Пока они разговаривают, Нина быстро одевается. Олег ей помогает.

Даша (*тихо*). У нас с тобой будет ребенок!

Андрей. Уже? Откуда ты знаешь?

Даша. Чувствую.

Андрей. А разве можно?

Даша. Когда любишь, можно все! Ты забыл, как было с Николашкой?

Андрей. Нет, я помню...

Даша. Отдай ей эти деньги. Они грязные и принесут нам только несчастья. Нам и нашим детям. Отдай, прошу тебя!

Андрей. Нет.

Даша. Тогда я уеду одна. И мой адрес ты не купишь за все эти поганые доллары!

Андрей (*разбивает калькулятор*). Бери, воровка!

Нина. Ты выучился считать в уме?

Андрей. Бери, пока я не убил тебя!

Нина. Ну, если ты настаиваешь. Такси еще ждет?

Паркинсон. Ждет.

Олег. Нина, погоди, я с тобой... (*Одевается.*)

Нина. Ты? Зачем ты мне нужен? Теперь я все буду покупать себе только в дорогих магазинах. Очень дорогих!

Паркинсон. Я вас провожу.

Хочет взять чемоданчик, но Нина указывает на тяжелую сумку. Уходят.

Даша (*бросается Андрею на шею*). Ты правильно сделал. У тебя чемпионский характер! Я тебя очень люблю!

Олег (*жалобно*). А я? А мне что теперь делать?

Даша. Сочинять книги. Твоя писательская копилка, надеюсь, полна? Разве ты смог бы придумать все то, что с нами произошло?

Даша скрывается в своем номере, чтобы собрать вещи. Возвращается Паркинсон.

Паркинсон. Я вызвал еще одно такси. Правильно?

Андрей. Правильно.

Паркинсон. Надбавку за испытание любви платить будете?

Андрей. Буду!.

Паркинсон. Ваша жена... то есть ваша... Ну, в общем, она перед отъездом выпила шампанского. Счет, сказала, отдать вам...

Андрей. Буду... (*Расплачивается, подходит к Олегу.*) Ладно, давай прощаться. (*Обнимает его.*) Не чужие все-таки! И запомни, от удара в корпус надо защищаться вот так, а не так... (*Показывает.*)

Даша (*входит*). Я готова.

Андрей. Присядем на дорожку.

Все садятся. Андрей и Паркинсон, подхватив вещи, выходят. Даша на мгновение задерживается, подходит к Олегу и целует.

Даша. Прощай!

Олег. Это окончательно?

Даша. Окончательно. Из квартиры я выпишусь. Не волнуйся.

Олег. Ты меня ни капельки больше не любишь?

Даша. Ну как можно не любить Ольгу Чибисову!

Олег. Скажи, ты уходишь к нему, чтобы у Николашки был родной отец?

Даша. Это уже не важно. Но тебя, Оленька, я никогда не забуду!

Олег. Почему?

Даша. Ты ни за что не догадаешься, почему...

Целует его и уходит.

Олег. А что тут догадываться! Женщина может забыть, каким человеком был ее муж. Но каким он был мужчиной, она не забывает никогда! Где моя записная книжка?

Сцена третья

Вечер. Холл отеля. Олег сидит с пивом. Паркинсон роется в бумагах.

Олег. Сегодня я видел в море огромную синюю медузу. Она напоминала человеческий мозг. И знаете, о чем я подумал?

Паркинсон. О чем?

Олег. О том, что через много тысяч лет эволюции человек превратится в мозг, просто в мозг. И эти, извините за прямоту, мозги будут, как медузы, плавать в океане, разговаривая с помощью импульсов и размножаясь почкованием. И только ночью, покачиваясь в черной глубине, они будут иногда видеть древние сны. Им будет казаться, что они странные существа с ногами, с руками, с волосами, с желаниями, со страстями... И они будут вспоминать, как, плача от счастья, сплетались в тугой узел желания и любви...

Паркинсон. Обязательно запишите!

Олег. Пойду за блокнотом...

Олег начинает подниматься по лестнице. Паркинсон включает радио.

Голос диктора... Сегодня в аэропорту при попытке вывезти за границу крупную сумму фальшивых долларов арестована молодая женщина. В интересах следствия имя задержанной пока не разглашается...

Олег и Паркинсон значительно смотрят друг на друга. Олег скрывается в номере. Входят молодожены с вещами. Она одета с изысканной строгостью. На нем пробковый колониальный шлем.

Тараканушкин. А вот и мы! Я все боялся опоздать к ужину.

Паркинсон. Простите, вы заказывали номер?

Тараканушкин. Ну конечно, моя фамилия – Тараканушкин.

Паркинсон. Ах, вы – супруги Тараканушкины!

Тараканушкин. Нет, Тараканушкин – это я. А жена у меня – Иванова. Она почему-то не захотела взять мою фамилию. Может, передумаешь, дорогая?

Иванова. Не передумаю, дорогой!

Тараканушкин. Разрешите ключик от номера. Хочется отдохнуть с дороги.

Паркинсон. Здравствуйте, здравствуйте, дорогие мои! Сердечно рад приветствовать вас в отеле «Медовый месяц». Моя фамилия Паркинсон. Что означает...

Тараканушкин. Да, я знаю. Руки вытяните! Нормально. Болезнь Паркинсона возникает в результате поражения подкорковых узлов головного мозга. Сколько вам лет?

Паркинсон. Трудно сказать...

Тараканушкин. Атеросклероз. Ключ дайте!

Паркинсон. Паспорта, пожалуйста! (*Берет у них паспорта, исследует, смотрит на Иванову.*) У вас редкое имя – Калерия. Штампы ЗАГСА. Все в порядке...

Тараканушкин. А что обманывают?

Паркинсон. Бывает. Но чаще обманываются... Заполните пока анкету заезжающих, а я оформлю договор и расскажу вам о нашем отеле.

Тараканушкин. Не надо. Вы мне выслали проспект, я прочитал и очень хотел бы взглянуть на грудь Афродиты...

Иванова. Зачем? Тебе моей мало?

Тараканушкин. Милая, ты же знаешь, я не могу пройти мимо женской груди. Это профессиональное.

Портье сочувственно смотрит на новобрачную и торжественно достает из сейфа шелковую подушечку с грудью.

Паркинсон. Вот она – грудь Афродиты Таврикийской. Есть такое поверье: если прикоснуться к ней правым безымянным пальцем...

Тараканушкин. Хм, левая грудь...

Паркинсон. Левая? Вы уверены? Вы археолог?

На лестнице появляется Олег с блокнотом. Увидев Калерию, замирает, изумленный.

Тараканушкин. Нет, я врач-маммолог и левую грудь от правой отличу с закрытыми глазами. Та-ак... Молочная железа явно не кормившей женщины. Можно пальпировать?

Паркинсон. Что?

Тараканушкин. Пощупать.

Паркинсон. Пожалуйста.

Тараканушкин. Та-ак. Уплотнений, новообразований, узелков не наблюдается. Идеальная грудь! Божественная! Калерия, хочешь потрогать?

Калерия. Нет.

Тараканушкин. Ну, потрогай, я тебя прошу!

Калерия (*сопротивляясь*). Нет, я не хочу! Не хочу!

Олег, не отрывая взгляд от Калерии, спускается вниз.

Тараканушкин. Ну в чем дело? Что за капризы?

Хватает ее руку и прижимает к мраморному осколку. Гаснет свет. В темноте раздаются голоса.

Калерия.пусти меня! Что ты делаешь?

Тараканушкин. Ничего я не делаю...

Калерия. Я тебя ударю!

Олег. Ударь!

Слышен звук пощечины.

Тараканушкин. За что?

Паркинсон. Не волнуйтесь, господа! Подстанция у нас старенькая. Иногда гаснет свет. Сейчас снова загорится. Лучше не двигайтесь, а то можно свалить пальму или удариться о перила...

Загорается свет. Немая сцена.

Занавес.

Смотрины (Контрольный выстрел) *Семейная комедия в двух актах*

Действующие лица:

Иван Афанасьевич Кораблев, академик.
Вера Михайловна, его жена, профессор.
Иосиф Иванович, их сын, доктор наук.
Эдита Ивановна, их дочь, актриса.
Юрий Павлович, ее муж, полковник.
Дарья, их дочь, переводчица.
Виктор Кораблев, племянник из Ташкента.
Владимир Ильич Корзуб, олигарх.
Инна Константиновна, секретарь-референт.
Кабулов Нурали Худайназарович, участковый милиционер.
Светлана Петровна, дворничиха.
Галя, ее дочь, студентка.
Алексей, старший лейтенант, подводник.
1-й телохранитель.
2-й телохранитель.
Персей Лоидис, греческий миллионер.
Секвоев, кинорежиссер.
Марк Львович, издатель.
Солдатик.

Акт первый

Картина первая

Декорации в стиле 50-х годов. Двор большого «сталинского» дома. Доносится шум улицы. Виден один подъезд. Вдали шпиль Университета. Конец апреля. Цветут старые яблони.

Дворничиха Светлана Петровна метет мостовую.

На лавочке сидит участковый Кабулов и разгадывает кроссворд. Мимо идет Марк Львович.

Светлана Петровна. Гражданин, вы к кому? Ой, Марк Львович, извините, не узнала Вас в шляпе-то.

Марк Львович. Здравствуйте! (*Идет в подъезд.*)

Светлана Петровна. Здравствуйте.

Кабулов. Петровна, Петровна! По горизонтали. Писатель, лауреат Нобелевской премии. Десять букв.

Светлана Петровна. Как ты меня достал! Солженицын. (*Садится рядом с Кабуловым.*)

Кабулов. Правильно. Солженицын.

Светлана Петровна. Через два «и» пишется, грамотей! Иван Афанасьевич из двенадцатой квартиры с ним в одной шарашке работал.

Кабулов. Шарашке? Шарашка-чебурашка. И чего только в русском языке нет? Вот он мне и надо.

Светлана Петровна. Солженицын?

Кабулов. Афанасьевич.

Светлана Петровна. Он только что в магазин пошел. Скоро вернется.

Кабулов. Подождем. По вертикали. Юбка с большим каркасом. Пять букв. Третья – «ж».

Светлана Петровна. Фижмы.

Кабулов. Правильно. Откуда ты все, Петровна, знаешь?

Светлана Петровна. Мне директор института так говорил: вы, Светлана Петровна, по гидравлике кандидат наук, а по кроссвордам – доктор! Э-э, да что теперь вспоминать...

Кабулов. Ну тогда вот тебе, доктор, по вертикали: жидкий продукт жизнедеятельности организма?

Светлана Петровна. Пот.

Кабулов. Пот да не тот. Пять букв. Ага, знаю!.. Опять не подходит!

Светлана Петровна. Урина.

Кабулов. Какая еще урина-мурина?

Светлана Петровна. Обыкновенная. В каждом подъезде. Вымоешь, хлоркой засыплешь, а утром снова. А ведь у нас дом Академии наук! Квартиры давали только докторам, да членкорам.

Кабулов (*пишет*). Урина. В вашем русском языке шайтан ногу ломает... Пока протокол напишешь – запотеешь. Легче лепешку на ладони испечь. Фу, напылила!

Светлана Петровна. Чистоты без пыли не бывает!

Кабулов. Бывает. Надо из шланга поливать.

Светлана Петровна. Сперли шланг.

Кабулов. Как это сперли?

Светлана Петровна. А вот так: спилили замок и унесли.

Кабулов. На дачу, огурцы поливать. Академики... Когда это закончится? У нас в отделе патрульную машину на полчаса без присмотра оставили. Угнали!

Светлана Петровна. Подумаешь, патрульная машина! Вон зять у Ивана Афанасьевича влип: танк из полка сперли. А он материально ответственный, как и я...

Кабулов. Танк! Ай-ай-ай! Что ж ему теперь будет?

Светлана Петровна. Кто ж знает? Пока пьет...

Кабулов. Вот народ! Танк... Я бы за воровство руки отрубал. Как на Востоке.

Из парадного подъезда появляется Галя. Красивая, модно одетая девушка.

Галя. Саллям аллейкум, товарищ капитан!

Кабулов. Здравствуй, Галя!

Галя. Ну что, облизываешься? Якши?

Кабулов. Якши.

Галя. Мам, я пошла.

Светлана Петровна. Поздно придешь? Чтоб засветло была!

Галя. Мама, сколько можно?!

Уходит. Кабулов внимательно смотрит ей вслед.

Кабулов. Красивая у тебя дочка!

Светлана Петровна. Отличница. Повышенную стипендию получает.

Кабулов. И сколько у вас на семью выходит?

Светлана Петровна. С моей зарплатой тысячи полторы. Еще у профессора из пятого подъезда убираюсь. Живем.

Кабулов. Не понимаю. Сапожки-то у твоей Галии долларов триста стоят.

Светлана Петровна. Не триста, а шестьсот, только не долларов, а рублей. Она их на рынке купила.

Кабулов. Моя Зульфия все рекламы читает, а такого рынка еще не нашла.

Светлана Петровна. Ты, Нурали, что-то путаешь?

Кабулов. Э-э! Ничего не путаю. В русском языке я, может быть, и не разбираюсь, а вот московскую арифметику очень хорошо знаю! Куртка замшевая долларов двести стоит. Сумка кожаная, фирменная. Джинсы-мынсы. Кольца-мольца. Клипсы-чипсы... На штуку баксов твоя отличница упакована!

Светлана Петровна. Ты что такое говоришь, морда азиатская?

Кабулов. Я плохого не говорю. Дочь у тебя красивая. Может, у нее друг богатый завелся. Это у нас на Востоке родителям калым платят, а у вас в России девушкам все отдают... И зря!

Светлана Петровна. Да нет у нее никого. Все время одна вечером возвращается.

Кабулов. На такси?

Светлана Петровна. На такси. *(Плачет, опершись на метлу.)*

Кабулов. Ты что, Петровна? Шутил я... Сейчас на рынке можно очень дешево хорошие вещи купить, а на вид как настоящие.

Появляется Иван Афанасьевич. На нем потрепанный джинсовый костюм, стоптанные кроссовки, в руках – бидончик с молоком.

Кабулов. Здравствуйте, Иван Афанасьевич!

Иван Афанасьевич. Здравствуй, Нурали! Светлана, ты чего плачешь?

Светлана Петровна. Просто так.

Иван Афанасьевич. Просто так не плачут.

Светлана Петровна. А я плачу! (*Идет на авансцену.*)

Иван Афанасьевич. Что с ней?

Кабулов. Шланг у нее украли? Иван Афанасьевич, ты мне нужен!

Иван Афанасьевич. В чем дело?

Кабулов. Иностранца у себя на квартире прячешь. Незарегистрированного.

Иван Афанасьевич. Так ведь прописку отменили!

Кабулов. Прописку отменили. А регистрацию никто не отменял. Конечно, деньги все хотят, даже отличницы, но если сдал комнату, надо жильца зарегистрировать.

Иван Афанасьевич. Ничего я не сдавал. Это мой племянник. Погостить приехал. Или теперь уж и в гости нельзя приехать?

Кабулов (*вздыхая*). Буду протокол писать...

Выходит из подъезда Марк Львович.

Марк Львович. Ну, Иван Афанасьевич, берегитесь!

Иван Афанасьевич. А что такое?

Марк Львович. Вера Михайловна на вас так ругается... Говорит: прибью, пусть только вернется...

Уходит.

Иван Афанасьевич. Что случилось? Вроде, не за что? Ладно, Нурали, пойдем протокол писать. Покажу тебе нарушителя.

Уходят. Закрывается занавес. На авансцене остается Светлана Петровна.

Светлана Петровна. Галя, еще совсем девочкой была, все время спрашивала: «Мама, почему у нас папы нет?» Я ей не врал: мол, уехал или героически погиб. Я отвечала: «Нет у тебя отца, и не нужен он нам такой, ты только моя!» А она – мне: «Вот вырасту, и будет у меня много-много пап, как у тети Лены...» Ленка – наша соседка по «коммуналке», к ней мужики косяками ходили. Вот Галя и выросла... Слово ей теперь не скажи. Я говорю: «Доченька, нельзя же так! Нехорошо это!..» Она – мне: «А как хорошо – с метлой?» Был бы отец... хоть какой-нибудь... Да что теперь говорить! (*Уходит.*)

Картина вторая

Большая профессорская квартира. Прихожая, кухня, двери в спальню, кабинет, ванную и туалет. Просторная гостиная. Книги, мебель из красного дерева в стиле тех же 50-х годов. В окне виден шпиль Университета. За компьютером сидит Вера Михайловна. Входят Иван Афанасьевич и Кабулов.

Иван Афанасьевич. Верочка, я не один... С милицией.

Вера Михайловна. И это правильно! Забирай его в обезьянник, Нурали Худайназарович, арестуй его... вирусносителя проклятого!

Иван Афанасьевич. Вер, ты меня прости, я не хотел...

Вера Михайловна. Такое не прощают!

Кабулов с уважением смотрит на Кораблева.

Вера Михайловна. Я даже знаю, откуда ты эту заразу притащил!

Иван Афанасьевич. Вера!

Вера Михайловна. Знаю! От Славки Лесина!

Кабулов (*потрясенно*). Ай-ай-ай... Нехорошо...

Вера Михайловна. Сколько раз тебе говорила: принес чужую дискету, вставил в компьютер, проверь на вирусы. Две главы из-за тебя пропали! А мне книгу через неделю сдавать!

Кабулов (*облегченно*). Ах, вот он что... Книгу пишете?

Иван Афанасьевич. Вера Михайловна – лингвист, пишет монографию о современном сленге. Целыми днями работает!

Вера Михайловна. Не подлизывайся!

Кабулов. О сленге? Кто такой?

Вера Михайловна. Как бы вам объяснить... Вот вы кто?

Кабулов. Я? Милиция...

Вера Михайловна. А на сленге будет: легавый, мусор, мент, можно – ментозавр...
Понятно?

Кабулов. Понятно... Где ваш племянник?

Вера Михайловна. Спит.

Кабулов. Будите! Буду протокол писать...

Вера Михайловна. Виктор!

Появляется Виктор Кораблев. Он в трусах. На лице оторопь внезапного пробуждения.

Иван Афанасьевич (*Виктору*). Достукался, иностранец?

Кабулов. Капитан Кабулов.

Виктор. Кабулов? Узбек? В Ташкенте надоели! Думал, хоть в Москве отдохну...

Кабулов. Документы!

Виктор. А что случилось?

Кабулов. Проверка паспортного режима.

Виктор. А! У нас режим – пожрали и лежим!

Виктор уходит за документами.

Вера Михайловна. Нурали, что случилось?

Кабулов. Зарегистрироваться надо было.

Вера Михайловна. Ну и что теперь будет?

Кабулов. Напишу протокол (*вздыхает*), отведу в обезьянник. Пусть посидит, подумает. С бомжами и хулиганами на сленге поговорит...

Иван Афанасьевич. Зачем же человека в обезьянник?

Кабулов. У человека должна быть регистрация.

Иван Афанасьевич. Значит, не труд, а регистрация делает обезьяну человеком?

Раздается телефонный звонок. Кораблев уходит в кабинет.

Вера Михайловна. Нурали Худайназарович, ты пургу-то не гони! Мы же люди. Договоримся!

Иван Афанасьевич (*из кабинета*). Вера, иди сюда! Это Иосиф. Из Бостона звонит...
Прилетает!

Кабулов. Кто?

Вера Михайловна. Сын. Из Америки.
Кабулов. У вас тут прямо караван-сарай...

Она уходит в кабинет. Появляется Виктор с пачкой документов. Он уже в рубашке, но все еще в трусах.

Виктор (*по-узбекски*). Няге мангя ёпшин колдингъ... итватчча?
Кабулов. Сам ты ишачий сын? Э! (*По-узбекски.*) Сэн каярге?
Виктор. Из Ташкента. А ты?
Кабулов. Из Коканда. Зачем в Москву приехал?

Виктор протягивает документы. Кабулов берет паспорт, а орденские книжки возвращает. Внимательно изучает документ.

Виктор. А ты зачем?
Кабулов. Меня перевели. Еще при советской власти.
Виктор. Ладно врать-то! Небось, взятку дал?
Кабулов (*по-узбекски*). Сэн нима дияпсан узы? Кунака пора?
Виктор. А что я такое говорю? Так тебя без взятки в Москву и перевели! Прямо тут в России, кроме капитана Кабулова, порядок навести некому?! Не справляются! (*По-узбекски.*) Куанча тулядингъ?

Кабулов. Нисколько не платил.

Виктор. Врешь. Я заслуженный строитель, но меня никто в Москве не ждет. А я ведь здесь родился. Институт закончил. Потом сдуру в ваш Ташкент поехал. По комсомольской путевке. Город после землетрясения отстраивать. «Едем мы, друзья, в дальние края...» Приехали. Ты посмотри орденские книжки, посмотри! Тебе полезно...

Виктор протягивает орденские книжки. Кабулов бегло просматривает.

Кабулов. Вот и строй в Ташкенте, если такой заслуженный! А то все теперь в Москву, как мухи на рахат-лукум...

Виктор. Я бы и строил. Да профессия моя теперь там не нужна...

Кабулов. А какая теперь профессия нужна?

Виктор. Узбек. Знаешь такую профессию?

Кабулов. Ну и что? Раньше была профессия «русский», а теперь «узбек».

Виктор. Никогда не было такой профессии – «русский»...

Кабулов. Была. Я знаю.

Раздается звонок в дверь. Появляется Вера Михайловна, направляется к двери.

Виктор. Да откуда ты знаешь, чурка кокандская?

Вера Михайловна (*на бегу*). Виктор, ты базар-то фильтруй! С ментурой базлаешь.

Виктор. Что?

Вера Михайловна. Выбирай выражения. Оденься!

Кабулов. Она у вас всегда так говорит?

Виктор. Всегда.

Кабулов. Ай-ай-ай...

Входят широкоплечие, коротко остриженные молодые люди, похожие на телохранителей. В руках у них большая корзина цветов.

1-й телохранитель. Здравствуйте!

Вера Михайловна. Здравствуйте... Это что такое?

1-й телохранитель. Велели – передать.

Вера Михайловна. От кого?

1-й телохранитель. Сказали – не говорить.

Вера Михайловна. А кому цветы?

2-й телохранитель. Сказали – сами догадаются... До свиданья!

Телохранители уходят.

Вера Михайловна (*осматривая цветы*). Улет! Иван, иди-ка сюда! Иван!

Из кабинета выходит Иван Афанасьевич.

Иван Афанасьевич. Это тебе?

Вера Михайловна. Мне? Лет тридцать назад я бы не удивилась.

Виктор. Ну, вы здесь в Москве совсем опухли! Неизвестно кому. Неизвестно от кого. У нас в Ташкенте за такую клумбу месяц пить можно...

Кабулов. Да и у нас в Москве... На пару недель хватит... закусывать.

Вера Михайловна (*громко*). Эдита!

Иван Афанасьевич. Думаешь, Эдитке?

Вера Михайловна. А что! Может, нашла себе кого!

Появляется Эдита Ивановна. Она в черном длинном халате. На голове – тюрбаном полотенце.

Эдита. Как у вас хорошо пахнет! Здравствуйте, Нурали... Ух ты! Розы! Откуда?

Вера Михайловна. Тебя хотели спросить... От поклонника?

Эдита. Мама, какие поклонники! У меня пять лет приличной роли не было. Я уж и забыла, как розы пахнут... Два года «Трех сестер» поставить не можем! Все спонсора ищем. А какой бы я была Ольгой (*перевоплощается*). «Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно... В Москву...»

Последние слова она обращает к виднеющемуся в окне Университету.

Вера Михайловна. Значит, цветы от Юрки.

Эдита. Черта с два!

Вера Михайловна. От Юрки. Я тебе всегда говорила: опомнится, закодируется и прощение будет просить, никуда не денется... Помнишь, когда он за тобой ухаживал, все свое лейтенантское жалованье на цветы убухивал!

Эдита. Мама! Откуда у него такие деньги! Он же теперь... Сама знаешь... Похмелиться не на что. Слава богу, если не посадят.

Вера Михайловна. А этот фуфел, который у вас пол-театра под спортзал арендует? Сама говорила, он на тебя глаз положил.

Эдита. Мама, ну что за выражения – «фуфел»? И мало ли кто на меня положил... Вряд ли... (*Разглядывает букет.*) Ой, там что-то внутри тикает! (*Протягивает руку.*)

Кабулов. Стоять! Ничего не касаться!

Эдита. Почему?

Кабулов. Вдруг бомба! Нам личному составу доводили, что бомбы в самые разные места теперь кладут...

Виктор. М-да, Раджива Ганди тоже с помощью букета шарахнули.

Вера Михайловна. Чепуха! Кто нас будет взрывать?

Кабулов (*разглядывая букет*). Вас, может, и нет. А вот могли с кем-нибудь перепутать. Тут недавно брокера застрелили. Нечаянно. Он у друга машину на день взял, а друга заказали... У вас кто теперь сосед?

Вера Михайловна. Банкир. Он у академика Червякова квартиру купил...

Кабулов. Вот!

Иван Афанасьевич. Ничего не трогайте, я сейчас. (*Уходит в кабинет.*)

Эдита. Надо милицию вызвать!

Кабулов. А я кто?

Эдита. Я про этих... Маски-шоу... Спецназ.

Возвращается Иван Афанасьевич. В руке у него прибор, похожий на маленький миноискатель. Он подносит прибор к цветам. Прибор начинает мигать и попискивать...

Иван Афанасьевич. Прибор показывает наличие часового механизма.

Кабулов. Срочная эвакуация!

В это время появляется Даша. Она в спортивном костюме. Прямо с пробежки.

Вера Михайловна. Даша, атас! Срочная эвакуация! Уходим...

Даша. Какая эвакуация? Я на работу опаздываю...

Кабулов. Бомба с часовым взрывателем.

Даша. Где?

Эдита. В цветах. Нам по ошибке принесли.

Даша. Почему по ошибке? И почему сразу – бомба?

Иван Афанасьевич. Тикает. Прибор показал.

Даша. А что, кроме бомбы уже ничего и тикать не может? (*Направляется к букету.*)

Кабулов. Не трогай. Я наряд вызову!

Но поздно. Даша погружает руку в цветы и вынимает конверт и коробочку.

Даша. Насмотрелись телевизор!

Разворачивает письмо и читает.

Эдита (*ревниво*). Тебе?

Даша. Мне.

Эдита. От кого?

Даша. От него.

Эдита. С чего это?

Даша. У меня – именины.

Виктор. У тебя?

Даша (*насмешливо импровизируя*). Да... День усекновения головы... невинно убиенной... Великомученицы Дарья.

Иван Афанасьевич. Не знал. Поздравляю!

Вера Михайловна. Дай поцелую, мученица, ты моя!

Эдита. А что в коробочке? (*Берет из рук дочери коробочку, открывает.*) Боже ты мой! «Картье»! Золотые. Тикают. Папа, действительно тикают! Вот, мама, детей надо по святцам называть. Совсем другая жизнь. А вы? (*С упрёком смотрит на мать.*) Здесь живет Эди-ита? Нет, здесь живет: «Иди ты!..».

Вера Михайловна. Ты бы нас с ним хоть познакомила!

Даша. Познакомлю.

Вера Михайловна. А что? Иосиф прилетает. Вот и пригласи его на семейный обед!

Даша. Не мешайте мне советами!

Забирает у матери часы и кладет их в коробочку.

Эдита. Дай мне часы сегодня на репетицию надеть. Один раз!

Даша. Нет, я должна это вернуть.

Эдита. И цветы?

Даша. Цветы пусть остаются.

Иван Афанасьевич. Правильно. Порядочная девушка может принимать подарки только от близкого человека.

Эдита. А может, он уже близкий...

Даша. Отстаньте от меня! Я как-нибудь сама разберусь, от кого принимать, а от кого не принимать! И не надо меня учить! Не девочка. В окно выгляните! Все уже по-другому. И то, что было правильно в вашей жизни, теперь смешно и нелепо! А вы ничего не понимаете, сидите в этой квартире, как в саркофаге... (*Уходит.*)

Эдита. Нет, вы слышали?!

Вера Михайловна. Дарья, по-моему, ты оборзела!

Иван Афанасьевич (*вдогонку Даше*). Ах, простите, Дарья Юрьевна. Простите великодушно!

Виктор. Тетя Вера, пивка не осталось?

Вера Михайловна. Нет, пойдём чайку попьём.

Виктор. Б-р-р-р...

Уходят в кухню.

Кабулов (*показывая на прибор*). Научная штука!

Иван Афанасьевич. Пустяки. Отходы высоких технологий. Мы, Нурали Худайназарович, свой хлеб не зря ели. Понимаешь, в Москве кнопочка, маленькая такая, а в Тихом океане... И ведь знают они там, что мы здесь не нажмем, но про кнопочку все равно помнят?! А теперь! Тьфу!..

Кабулов (*мечтательно разглядывая прибор*). Нам бы такую штуку в отделение...

Закрывается занавес. На авансцене остается Иван Афанасьевич.

Иван Афанасьевич. Не дай вам Бог, господа, коротать старость на обломках собственного Отечества и видеть, как разворачивается и высмеивается все то, чему ты служил на износ сердца человеческого! Я, знаете ли, человек независтливый. А теперь завидую... Завидую тем товарищам моим, которые не дожили до этого поношения! Говорят, под конец жизни человек

словно с ярмарки едет: людей посмотрел, себя показал и барыш в кармане. Не знаю... Такое чувство, что на этой самой ярмарке меня избили, обокрали, да еще в душу плюнули... За что, господа? За что?!

Уходит.

Картина третья

Большой кабинет предпринимателя, отделанный дорого и основательно. За столом Владимир Ильич Корзуб разговаривает по телефону. У приставного столика возбужденный режиссер Секвоев.

Корзуб. Да, да... *(Кладет трубку телефона.)* Извините, я вас слушаю.

Секвоев. Вы знаете, что такое перфоманс?

Корзуб. Ну, откуда же?

Секвоев. Вот, вы не знаете, что такое перфоманс! А ведь исполняется десять лет победы демократии... Кстати, где вы были девятнадцатого августа тысяча девятьсот девяносто первого года?

Корзуб *(улыбается).* Сидел...

Секвоев. О! Позвольте склонить голову перед подвигом русского диссидента!

Корзуб. Ну что вы, такая честь! Нет, нет, диссидентом я никогда не был. Наоборот, горячо одобрял и поддерживал. А сидел я в КПЗ. В Бресте... Меня задержали за незаконный ввоз в страну подержанных компьютеров... Потом, конечно, отпустили.

Секвоев. Очень жаль! Не в том смысле... Вы пропустили исторические дни. Я с охотничьим ружьем защищал Белый Дом. Творческая интеллигенция грудью встала...

Корзуб. Да-да... *(Морщится.)* Слыхал.

Секвоев.... И мы победили, отстаивая демократию! И благодаря нашей победе стало возможно все это! *(Обводит рукой кабинет.)*

Входит Инна. Она в строгом офисном костюме. Волосы гладко зачесаны. Хороша.

Инна. Извините, Владимир Ильич... Мама звонит.

Корзуб. Позже.

Инна. Вы же знаете, она не успокоится.

Корзуб *(снимает трубку).* Извините! Инна Константиновна, поухаживайте за гостем. *(В трубку.)* Да, мама, немного занят. Переговоры.

Инна привычно обслуживает гостя. Он пьет коньяк и неряшливо курит сигару. Тем временем Корзуб выслушивает маму морщась, как от зубной боли.

Корзуб. Да, хорошо... Я выясню... Нет, в Карловых Варах очень хорошая минеральная вода... И врачи опытные... Не волнуйся, они говорят по-русски. Там русских больше, чем чехов, и тебе не будет скучно... Ладно, давай поговорим потом. Я тебе перезвоню... *(Положив трубку, Секвоеву)* Знаете, чем отличается арабский террорист от моей мамы?

Секвоев. Нет.

Корзуб. С террористом можно договориться.

Секвоев *(хохочет).* Супер! Надо запомнить.

Корзуб. Так, что вы от меня хотите? Денег?

Секвоев. При чем здесь деньги, когда речь идет о большом искусстве?...

Корзуб. Очень большим?

Секвоев. Очень.

Корзуб. Тогда без денег не обойтись.

Секвоев. Владимир Ильич, дело в том, что я хочу поставить спектакль. Но не на театре. Нет. Сценой станет вся Москва. По улицам будут лязгать настоящие танковые колонны. Настоящие демонстранты будут ложиться под гусеницы. Один танк я уже достал. По случаю. Практически новый. Через город протянется живое кольцо – тысячи людей! Это будет настоящий путч. Мы его сыграем... Двадцать первого августа. В день победы демократии!

Корзуб. Ас пугчистами вы договорились?

Секвоев. Конечно, они же люди – тоже хотят заработать.

Корзуб. И сколько это будет стоить?

Секвоев пишет сумму на бумажке и пододвигает Корзубу.

Секвоев. В валюте.

Корзуб. Ого!

Секвоев. Вы только не волнуйтесь! Все окупится. На этот перформанс прилетят зрители со всего мира. Тысячи зрителей! Это будет международный спектакль. За возможность поучаствовать в живом кольце мы будем брать недорого – десять долларов с человека. А вот бросить в танк «коктейль Молотова» – это подороже. Двести баксов. За право арестовать ГКЧП – тысячу. А за то, чтобы постоять с Ельциным на танке...

Корзуб. Вы думаете, он согласится?

Секвоев. Почему бы и нет. Главное, чтобы...

Корзуб. На танк залез.

Секвоев. Главное, чтобы залез. Супер! Надо запомнить... Горбачев согласился ведь пиццу рекламировать! Это же не бесплатно... Поверьте, в мире много богатых идиотов, которые за право постоять на танке рядом с Ельциным выложат огромные деньги!

Корзуб. Вы ошибаетесь, господин режиссер, богатых идиотов очень мало. Лично я не встречал ни одного. С бедными идиотами встречаюсь постоянно. Я должен подумать!

Секвоев. Решайтесь! Ваше имя войдет в историю. Вас будут называть вместе с Дягилевым, Третьяковым, Соросом.

Корзуб. Позвоните мне на днях. До свидания!

Секвоев залпом выпивает коньяк, прячет в карман недокуренную сигару, встает. Корзуб нажимает кнопку. Входит Инна.

Корзуб. Проводите господина режиссера!

Секвоев. Так я позвоню через пару деньков?

Корзуб. Инна Константиновна свяжется с вами.

Уловив особую интонацию, Инна кивает, и мы понимаем: режиссеру в этом кабинете больше никогда не бывать.

Оставшись один, Корзуб углубляется в бумаги. Потом снимает трубку, набирает номер телефона.

Корзуб. Алло! Корзуб. Ну и что там?... Ах, не понимают! Хотят сами с греками поработать, без нас?... Тогда поступим по-другому. Нет, я не пожалею. Пожалеют они. Очень пожалеют! Действуй, как договорились... (*Вешает трубку. Задумчиво.*) Как бы не пришлось смотреть криминальную хронику...

Возвращается Инна. Подходит к шефу, встает у него за спиной и гладит его по голове. Ему нравится.

Корзуб. Где ты откопала этого кретина?

Инна. Нет, это ты сам откопал. На какой-то презентации.

Корзуб. Да-а... Может собственных долдонов российская земля рождать. И в огромных количествах.

Инна. Устал? Лоидис будет через пять минут. Они в пробку на Лубянке попали. Кораблева уже здесь.

Корзуб. Кораблева?

Инна. Даша.

Корзуб. Я и забыл, что она – Кораблева.

Инна. Все ты отлично помнишь! И как ее зовут, и где она живет. Мне таких букетов ты никогда не дарил. Даже в самом начале... Я бы на ее месте оставила девичью фамилию. «Корзуб» для женщины резковато.

Говоря все это, она делает ему нежный эротический массаж, расстегивая ворот рубашки.

Корзуб. Инна, ты ведь всегда все правильно понимала. Я устал. Устал...

Инна. Корзуб! Я тебя знаю десять лет. Я тебя очень хорошо знаю. Я сама тебе подбирала девочек. Для релакса... Кого ты обманываешь? Нет, это совсем другое. Ты не устал – ты влюбился. Или еще хуже: все обдумал и решил, что пора снова жениться.

Корзуб. Откуда такая информация?

Инна. Я понимаю, всякий серьезный мужчина однажды задумывается, кому все достанется. Нефтяной империи нужен наследник. Поэтому требуется жена – воспитанная девушка из хорошей семьи. У нее, кажется, дед – академик? Я тебе больше не нужна?

Корзуб. Нужна.

Инна. Нет. Я была нужна, когда ставили дело, когда работали день и ночь, когда на тебя охотились – и ты прятался у меня. Я была нужна, когда не хотелось ехать к девкам, а хотелось подобия семейного очага. Теперь тебе хочется другого... Ты меня уволишь?

Корзуб. Я друзей не увольняю.

Инна. А я теперь просто друг?

Корзуб. Не просто... *(Обнимает ее.)*

Инна. А ты просто мерзавец!

Корзуб. Еще какой!

Инна. Мерзавец и сукин сын.

Она многообещающе опускается перед ним на колени, снимает заколку. Корзуб запускает руки в ее волосы. Из селектора слышится голос: «Приехал господин Лоидис». Инна вскакивает с колен, поправляет волосы. Корзуб застегивается.

Корзуб *(в селектор)*. Просите!

Открывается дверь. Входит Лоидис, похожий на прилично одетого Гавриила Попова. С ним Даша. Корзуб идет ему на встречу. Они здороваются. Инна отходит в сторону и ревниво наблюдает Дашу.

Лоидис (*говорит по-гречески*). Иха эрthи сти Мосха прин апо эфта хроня кэ имэ энти-посиазмэнос апо тис алагэс (алаес). Дэн тигноризо тин поли...

Даша. Господин Лоидис поражен переменами в Москве. Он был здесь семь лет назад. И не узнает города.

Лоидис (*по-гречески*). Кириэ Корзуб, поли му арэсэ то ктирио тис этериас – сас! Скэто палати!

Даша. Господину Лоидису очень понравилось здание вашей компании. Это просто дворец!

Корзуб. Это и есть дворец князей Юрьевских!

Даша (*переводит на греческий*). Ма инэ палати! Та плати тон прингипон Юревски...

Лоидис (*по-гречески*). Сти Росиа симэра ипархун поли плусии.

Даша (*переводит*). В России теперь очень много богатых людей.

Корзуб. Для такой огромной страны, как наша, это немного. К сожалению, некоторые зарабатывают здесь, а тратят там.

Даша (*переводит*). Я мня тосо плусиа хора сан ти дикимас, дэн инэ кэ тоси поли. Дисти-хос, аркэти инэ афти пу вгазун храмата эдо кэ та ксадэвун эксо.

Корзуб. Но наша компания вкладывает все средства в развитие российской экономики.

Даша (*переводит*). Омос и дики-мас эгэриа, эпэнди ола-тис та кэрди я тин анаптикси тис росикис икономиас.

Лоидис. Афто инэ аксиэпэно. Яфто протино липон на пэрасумэ амэсос сти сизитиси я тис дулес мас.

Даша (*переводит*). Это похвально. И поэтому господин Лоидис предлагает сразу взять... как бы это выразиться... быка за рога.

Корзуб. Как Тесей Минотавра?

Даша (*переводит на гречески*). Тесей Опосо thисэас тон Минотавро?

Лоидис хохочет и передают бумагу Даше, та читает, переводя с листа.

Даша. Господин Лоидис доводит до Вашего сведения, что в настоящее время у фирмы «Лоидистранспетролеум» семь нефтеналивных танкеров общим водоизмещением около двух миллионов тонн. И он хотел бы знать, сколько танкеров предполагает зафрахтовать, господин Корзуб?

Корзуб. Все семь.

Даша (*по-гречески*). Кэ та эфта.

Лоидис. Семь?

Корзуб. Вы говорите по-русски? Так вы шпион?

Лоидис. Нет, нет шпион. Маленько. Мой папа жил в Феодосия. До войны... Потом выбрался. Греция. Я родился в Афинах. Это неожиданное предложение.

Корзуб. Неожиданное или неприемлемое?

Лоидис. Не... Приемлемое... Нет, очень приемлемое... Я готов обсуждать.

Корзуб. Может быть, продолжим за обедом? Я попросил повара приготовить настоящий русский обед. Поверьте, русская кухня гораздо лучше, чем русская демократия.

Лоидис. Да, это очень странная демократия. Вы много шутите, господин Корзуб...

Корзуб. Да, но не в бизнесе. Инна Константиновна, проводите господина Лоидиса в зал приемов. И покажите по пути нашу галерею. Правда, Эль-Греко у нас нет, но зато есть Феофан Грек...

Лоидис (*по-гречески*). Апистэфто!

Корзуб. Что?

Даша. С ума сойти!

Гость с Инной направляются к двери.

Корзуб. Дарья Юрьевна, задержитесь на минутку.

Даша (*дождавшись, когда они останутся одни*). Спасибо за цветы! Букет был великолепен. Но часы я... вам возвращаю. (*Протягивает коробочку.*)

Корзуб. Почему?

Даша. Такой дорогой подарок я могу принять только от близкого человека.

Корзуб. Так давайте познакомимся поближе.

Корзуб обнимает девушку. Даша не сопротивляется, а только уклоняется от поцелуя.

Даша. Прямо здесь и познакомимся? На диване? Бедный диван, сколько же он повидал на своем мебельном веку! Или, может быть, на столе? В рабочем порядке? (*Берет в руку забытую Инной заколку.*) Стол тоже многое видел... Вы были когда-нибудь женаты?

Корзуб растерян. Он отпускает Дашу.

Корзуб. Был. У меня дочь.

Даша. Вы часто с ней видите?

Корзуб. Не очень. Но она ни в чем не нуждается.

Даша. Ни в чем? А в отце? Интересно, если вы когда-нибудь снова женитесь, меняете обстановку или все оставите по-старому? И стол, и диван, и (*показывает заколку*)...

Корзуб. Нет, вы меня не поняли... Неужели вы думаете...

Даша. Нет, я так не думаю. Я уверена, что вы вполне в состоянии снять для нашего близкого знакомства номер в каком-нибудь сногшибательном отеле или пригласить меня в ресторан.

Корзуб. В самом деле, давайте поужинаем где-нибудь. Вы были в ресторане «Голодный диггер»?

Даша. Нет. А это где?

Корзуб. Это на берегу реки Неглинной.

Даша. Она же под землей.

Корзуб. Вот именно! Ресторан расположен в старинных катакомбах. Официанты одеты диггерами... Очень необычно!

Даша. Да, я заметила: «новые русские», ой, простите, любят все необычное. Но мне что-то не хочется под землю. Глубину отношений между мужчиной и женщиной я представляю себе несколько иначе.

Корзуб. Предложите тогда вы что-нибудь!

Даша. Значит, вы хотите познакомиться поближе?

Корзуб. Да, как можно ближе...

Даша. Тогда приходите к нам на семейный обед! Послезавтра. Я познакомлю вас с моей семьей. Мы все собираемся – прилетает дядя из Америки... Или я вас не поняла и вы все-таки имели в виду другую близость?

Корзуб. Вы все правильно поняли. Я обязательно приду.

Он целует Даше руку. Возвращается Инна, оценивающе смотрит на Корзуба и Дашу.

Инна. Дарья Юрьевна, гость спрашивает про Феофана Грека и не понимает, что такое уха с расстегаями. Требуется ваша помощь.

Даша. Да-да... Конечно. (*Уходит*).

Инна (*подходит к столу, смотрит на оставленные Дашей часы. Потом смотрит на свои часы.*) Повторяешься, Корзуб...

Инна уходит. Закрывается занавес. На авансцене остается Корзуб.

Корзуб. Новые русские, новые русские. Как богатый – так новый русский. Как новый русский – так идиот... (*Передразнивая Секвоева.*) «В мире много богатых идиотов!» Вы что же думаете, господа хорошие, для того, чтобы стать богатым, ни ума, ни таланта не нужно? Нет, миленькие мои, ошибаетесь. А кроме ума и таланта, еще и смелость нужна! Когда все рухнуло, одни сломались или струсили, а я – нет! Я работал. День и ночь работал. Учился... Учился покупать, продавать, давать взятки! Вы думаете, легко дать взятку министру? Это искусство посильнее Фауста Гете. Из тех, с кем я начинал, троих отстрелили, один спился, двое – за бугром отсиживаются... А я здесь, в России. Я есть и буду. Капитализм, господа, – это всерьез и надолго!

Уходит.

Картина четвертая

Снова квартира Кораблевых. В доме суета, готовятся к обеду.

Вера Михайловна (*поет*).

«Канает пес, насадку лавируя.
И ширмачи втыкают налегке...»

Раздается звонок в дверь. Два телохранителя принесли два ящичка с вином.

Вера Михайловна. Вы?

Телохранители. Мы.

Вера Михайловна. Что, опять бомба? В прошлый раз приперли в дом клумбу. Кому, от кого? Такой шухер был! Чуть милицию не вызвали – думали, бомба...

1-й телохранитель. Нет, тут не бомбы – гранаты. (*Достает бутылку из коробки.*)

2-й телохранитель. Шабли, божоле...

Вера Михайловна. Шабли! А вы знаете, что шабли было любимым вином Чехова?

1-й телохранитель. Не знаю.

Вера Михайловна. Боже, слова-то какие! Божоле, шабли... Ароматы Франции. Вот вы не бывали во Франции?

1-й телохранитель. Ну почему же? Сколько раз. С шефом.

Вера Михайловна. Ну да!? А мне не довелось! Так мечтала Париж посмотреть! Ави-ньон. Нормандские замки... Даже французский язык выучила. Потом забыла. Иван Афанасьевич у нас засекреченный был. За границу ни-ни. Ну и мне тоже... Теперь все можно, а возможностей нет...

1-й телохранитель. Куда ставить-то?

Вера Михайловна. Ой, извините. Давайте-ка, мальчики, все это быстренько на кухню, пока Иван Афанасьевич не увидел. А то погонит нас вместе с шабли и божоле... Не любит он этого.

1-й телохранитель. Чего – вина?

Вера Михайловна. Нет, крутизны он этой не любит... Я правильно выразилась?

2-й телохранитель. Правильно.

Вера Михайловна. Вас как зовут?

2-й телохранитель. Вася.

1-й телохранитель. Коля.

Вера Михайловна. А меня – Вера Михайловна. Божоле, да божоле, а об водке ни полслова...

1-й телохранитель. Водчонка нужна? Организуем...

Вера Михайловна. Нет, водка к столу есть. Это я так, к слову. Был такой поэт Денис Давыдов. Слышали?

2-й телохранитель. Видели. В кино...

Вера Михайловна. Так вот, он в одном стихотворении все сокрушался «Жомини да Жомини, а об водке ни полслова...»

1-й телохранитель. Жомини – вино, вроде божоле?

Вера Михайловна. Нет, французский военный историк.

2-й телохранитель. Запутали вы нас, Вера Михайловна.

Вера Михайловна. Садитесь, мальчики, угощу вас чаем с пирожками!

1-й телохранитель. Нам нельзя. Мы на работе.

Вера Михайловна. Кто ж вас отпустит. Садитесь. *(Уходит на кухню, приносит пирожки.)* Ну-ка, опробуйте. С чем пирожки?

2-й телохранитель. С грибами...

Вера Михайловна. Нет.

1-й телохранитель. С капустой.

Вера Михайловна. Нет. С огурцами! *(Садится.)*

1-й телохранитель. Не может быть!

Вера Михайловна. Может! Берешь соленые огурцы, шинкуешь кубиками, потом жаришь с луком.

2-й телохранитель. Надо жене сказать, чтобы испекла...

Вера Михайловна. А вот о чем я вас, ребята, спросить хотела... Вы из блатных?

1-й телохранитель. Обижаете? Раньше в ОМОНе служили. Ушли... Зарплата маленькая. Семью-то кормить надо.

2-й телохранитель. На одних соленых огурцах не высидишь.

Вера Михайловна. Значит, по фене не ботаете?

2-й телохранитель. Ну, почему же!

Вера Михайловна. Тогда скажите, что означает «канает пес, насадку лавируя»?

1-й телохранитель. Канает – значит идет.

2-й телохранитель. Пес – легавый.

Вера Михайловна. Это я и сама понимаю. Лавируя – значит «высматривая»... А вот что такое «насадка»?

1-й телохранитель. Добыча...

2-й телохранитель. Какая еще добыча? Не знаешь, не говори. Насадка – это б... Х-м, девица легкого поведения.

Вера Михайловна. Шмара?

1-й телохранитель. Вера Михайловна, а зачем вам это?

Вера Михайловна. Книгу пишу.

1-й телохранитель. Интересная, наверное, книга будет!

Вера Михайловна. Уж как получится... А что у вас работа опасная?

2-й телохранитель. По-всякому.

Вера Михайловна. Наезжают?

1-й телохранитель. Бывает.

2-й телохранитель. Тут недавно на шефа пытались наехать... Конкуренты.

Вера Михайловна. Ну и что? Стреляли?

2-й телохранитель. Да ничего. Крышами договорились.

Вера Михайловна. «Крышами договорились». Не слышала! Надо записать.

Открывается входная дверь. Появляется Даша с продуктами.

Вера Михайловна. Это ты, Дашенька?

Даша. Я. Привет, бабуля!

Вера Михайловна. Привет, от старых штиблет.

Даша (гостям). Здравствуйте. Зелень купила. Сало очень вкусное. С мягкой шкуркой, как ты учила. *(Идет на кухню, видит коробки с вином.)* Вино! А вы что делаете?

Вера Михайловна. Да мы тут с хлопцами крышами договариваемся!

Даша. А где мама?

Вера Михайловна. Где всегда. В ванной зависла.

Даша (выходит из кухни). Давно?

Вера Михайловна. По-моему, со вчерашнего вечера.

Даша подходит к двери в ванную комнату.

Даша. Мама, ты там навеки поселилась?

Эдита что-то поет за дверью.

Даша. Это, между прочим, ко мне гость едет, а не к тебе!

Вера Михайловна. Конфликт поколений. А сколько у вашего шефа в доме ванн?

1-й телохранитель. Три.

2-й телохранитель. Четыре.

1-й телохранитель. Четвертая не считается. Она для собаки...

Даша. Мама, выходи!

Вера Михайловна. Да не волнуйся ты так! Может, он еще опоздает!

Телохранители встали.

1-й телохранитель. Шеф никогда не опаздывает. Никогда.

2-й телохранитель. Это в сериалах показывают, как богатые дурью маются... У нашего каждая минута расписана.

Даша. Мама! Ты что – водоплавающая?

Раздраженно уходит в свою комнату. Телохранители тоже собираются.

1-й телохранитель. Мы пошли, Вера Михайловна. Нам нужно точки определить. Людей рассредоточить. Здание на режим поставить.

2-й телохранитель. А огурцы обязательно соленые или можно маринованные?

Вера Михайловна. Соленые и бочковые.

Раздается звонок в дверь. В дверях телохранители сталкиваются с издателем. В одной руке у него папка. В другой – букетик цветов.

Марк Львович. Здравствуйте! До свидания...

Телохранители. До свидания.

Уходят, с подозрением глянув на издателя.

Марк Львович. Принес последнюю главу. После корректуры. Восторг! Все в редакции говорят: гениально! Вы – гений. Это успех! Но вот только псевдоним... Ричард Баранов. Мало того, что Ричард, так еще и Баранов... Может, Ричард Львов?

Вера Михайловна. Нет, именно – Баранов.

Марк Львович. Почему же?

Вера Михайловна. Потому что все они – козлы.

Марк Львович. Кто – все?

Вера Михайловна. Все, кто этим занимается. И я тоже.

Марк Львович. Я хотел тут с вами согласовать одно маленькое сокращение.

Вера Михайловна. Не вовремя вы. У нас сегодня смотрины. Прибудет Дашкин ухажер. Тоже, наверное, козел. Впрочем, почему же не вовремя? Оставайтесь к обеду. У вас вкус, я вам доверяю!

Марк Львович. Неловко как-то...

Вера Михайловна. Неловко, когда в заду боеголовка.

Марк Львович. Восторг! Все покорены вашим знанием маргинального фольклора... Успех будет феерический!

Из ванной выходит Эдита, соблазнительно обернутая узким полотенцем.

Эдита. Пардон, Марк Львович!

Марк Львович. Богиня!

Смотрит ей вслед. Выходит Даша из своей комнаты, идет в ванну.

Вера Михайловна. И куда мужики смотрят? Дашка по сравнению с ней бройлер неоципаный, а вот поди ж ты – олигарха подцепила!

Эдита. Мама, как ты думаешь, если я буду в тюрбане?

Даша. Мамочка, а танец живота ты исполнять не собираешься?

Эдита. Ты ничего не понимаешь! Тюрбан это очень модно. Ты видела, Дженифер Пампкинс получала «Оскара» в тюрбане? В конце концов, твой олигарх должен понять, что у вас уважаемая семья...

Марк Львович и Вера Михайловна сели у компьютера, обсуждать сокращения в книге.

Даша. Мамочка, его это не интересует. Его я интересую.

Эдита. Ошибаешься! В постель ложатся мужчина и женщина, а в брак вступают семьи!

Даша. Предложение он мне пока не делал.

Эдита. Сделает. В противном случае он не принял бы приглашение на обед. Это очень занятые люди. К нам в театр один нефтяной магнат ходит – всегда опаздывает, весь первый акт спит, а в антракте уезжает...

Даша. Это верно. Бизнес – каторга.

Эдита. Вот и пусть мужики вкалывают, зарабатывают, а мы будем тратить.

Даша. Мама, я тебя очень прошу, не делай из обеда смотрины! Это унижительно. В конце концов, я сама еще не знаю, нужен он мне или нет.

Эдита. Насколько я помню, по-настоящему тебе был нужен только Лешка... Но школьная любовь хороша лишь для воспоминаний. Мне, например, в десятом классе нравился хулиган по имени Галкин, его потом посадили... Представляешь, если бы я вышла за него, а не за твоего отца? Хотя, конечно, и с папашей твоим тоже маху дала.

Даша. Что-то Леша давно не звонил. Наверное, в походе...

Эдита. Ужас: полгода в консервной банке под водой! А на берегу остается жена, окруженная соблазнами.

Даша. Папа – тоже военный.

Эдита. Твой отец служил только в Москве и за границей. И я всегда была рядом с ним. Хотя сама видишь, что из этого вышло...

Даша, не дослушав, скрывается в ванной. Из кабинета появляются Иосиф и Иван Афанасьевич.

Иван Афанасьевич. Да такие дела, брат Иосиф. Помнишь, как у Чехова: «жареные гуси мастера пахнуть»!

Иосиф. Чего там нет в Америке, так это запахов. Ни запахов весны, ни запахов осени, ни вот этой пропахшей вкусностями квартиры, когда ждут гостей. В рестораны друг друга приглашают...

Иван Афанасьевич. Граждане, а почему стол не ломится от вкусных и обильных яств?

Вера Михайловна (*идет в кухню*). Мальчики, не путайтесь под ногами.

Иосиф. Мама, помочь?

Вера Михайловна. Отзынь, штатник!

Иосиф. В каком смысле?

Иван Афанасьевич. Это значит – отстань, американец. Мама – в теме.

Вера Михайловна. Идите лучше в шахматы перекиньтесь!

Иван Афанасьевич. Может, и в самом деле – партиечку? Помнится, за мной должок оставался...

Иосиф. Ну ты, папа, злопамятный! Столько лет прошло!

Марк Львович. Разрешите поприсутствовать?

Иван Афанасьевич. Какой разговор, Марк Львович, какой разговор... Только не подсказывать!

Марк Львович. Как вы нашли Москву, Иосиф Иванович?

Иосиф. Фантастика! Хожу – изумляюсь: мерседесов больше, чем в Нью-Йорке! В магазинах все есть, а на каждом шагу нищие. Старухи в помойках роются, старики медали нацепили и попрошайничают.

Марк Львович. Да-да, многое изменилось.

Иосиф. Не знаю, может быть, мне надеть костюм с галстуком? (*Смотрится в зеркало.*)

Иван Афанасьевич. Смокинг надень, сынок! Такое событие. Скромного советского ученого должен посетить новый хозяин жизни. Трепещи, Эдитка, если ему твое заливное не понравится! (*Выходит Даша из ванной комнаты.*) И ты, Дашка, смотри – вдруг ему твоя грудь не подойдет, – калибр не тот!

Даша. Деда, если б я знала, что вы так... я бы не стала приглашать...

Иван Афанасьевич. Пригласила и ладно. Посмотрим, что за человек... Значит, реванш?

Иосиф. Давненько я не брал в руки шашек.

Иван Афанасьевич. Знаем, как вы играть не умеете. Заодно, расскажешь отцу, как наши секреты америкашкам продаешь! Слышал анекдот? «Я открою тебе страшную государственную тайну! Но учти, если продашь – деньги пополам!»

Марк Львович заливается смехом.

Иосиф. Какие секреты? Все наши секреты еще Горби отдал и Ельцин добавил. Не секреты я им продаю, а мозги...

Иван Афанасьевич. И почему идут?

Иосиф. По доллару за извилину.

Иван Афанасьевич. Не шибко. Но мы тут тоже лиха хлебнули, когда все обрушилось... Не поверишь: чуть ордена не продал – жить было не на что. А сколько этих новых толстосумов на квартиру зарилось! Едва отбились! Хорошо, хоть Дашка пристроилась – стала зарабатывать...

Иосиф. А что ж скрывали? Я же спрашивал! А вы: все нормально, все нормально!

Иван Афанасьевич. Сиди уж! Знаем, как доллары там достаются.

Иосиф. Это точно. Но самое главное: надо соответствовать. Чтоб дом, машина, не хуже, чем у других. Иначе конец...

Марк Львович. Общество потребления... Страшная штука!

Трое мужчин уходят в кабинет.

Вера Михайловна (*из кухни*). Эдита, пойдём! Надо салат порезать и сациви заправить...

Эдита (*выбегает из своей комнаты и бежит в ванну*). Мама, я еще не красилась.

Вера Михайловна. К кому олигарх едет, к тебе или к Дашке? Вот она пусть и чистит перышки, а ты, милая моя, будешь салат резать... Боюсь, не управимся. (*Идет к телефону.*) Надо Гале позвонить, она ловкая девушка – поможет (*берет телефон и уходит в кухню*).

Раздается звук отпираемой двери, и некоторое время слышится возня в прихожей. Наконец появляются сильно пьяные Виктор и Юрий Павлович, отец Даши. На нем странная смесь гражданской и форменной одежды.

Виктор. Юра, ты спиваешься!

Юрий Павлович. А ты?

Виктор. Мы говорим о тебе.

Юрий Павлович (*подходит к ванной двери, из ванны слышится голос Эдиты*). Рептилия. (*Идет к столу.*) Стаканизаторы есть, боезапас в наличии, горючка при себе. Будешь?

Виктор. Нет.

Из ванны выходит Эдита, видит пьяных.

Юрий Павлович. Почему?

Виктор. Не могу, вырвет...

Юрий Павлович. Кто тут вырвет? Все свои.

Эдита (*выхватывает из рук Юрия Павловича бутылку*). Вы где так набрались, голуби? Витька, совесть у тебя есть? Ты его зачем приволок? Он же ушел от меня. Вот и пусть теперь отдельно напивается. Мне в театре сумасшедшего дома хватает.

Виктор. А ты говорил, кто вырвет?

Эдита. Вон отсюда!

Юрий Павлович. Темпера себе нихерамент!

Виктор. Чего?

Эдита. Ни хера себе темперамент! Он как напьется, ему переводчик нужен.

Юрий Павлович. Я, между прочим, тут прописан! И вещи мои пока здесь. *(Виктору.)*

Вот ты спрашивал: почему? А я тебя теперь тоже спрошу: с такой можно жить?

Виктор. Можно. Мне Эдитка нравится! Я бы с тобой махнулся, не глядя.

Юрий Павлович. Нет, ты сначала погляди!

Виктор. Поглядел. Есть предложение: ты на моей Надьке женишься, а я на твоей Эдитке.

Из кухни выходит Вера Михайловна.

Юрий Павлович. Не болтай глупостями. Она же тебе сестра!

Виктор. Не сестра, а кузина. Раньше можно было. Царь специальный указ издавал. В монархисты, что ли, податься.

Эдита. Идиоты!

Виктор *(поет).*

Боже, царя храни!
Сильный державный...

Эдита. Боже, какие идиоты! Мама!

Вера Михайловна. А ну кыш, алконавты!

Виктор *(с достоинством).* Мы не алконавты, мы – монархисты!

Вера Михайловна. Вот я сейчас в Ташкент позвоню и расскажу Надежде, как вы тут женами меняетесь.

Виктор. Вот этого не надо.

Вера Михайловна. Монархисты мохнорылые!.. *(Эдите.)* Забирай их обоих!

Эдита. Куда я их заберу?

Вера Михайловна. Куда хочешь! Испортят все смотрины. Дашка и так нервничает! *(Гладит Юрия Павловича по голове.)* Вставай, Юрочка, неудобно получается. К Даше сейчас серьезный человек придет... Олигарх, можно сказать!

Юрий Павлович. Я его застрелю! Где мое табельное оружие? От олигархов все зло!

Вера Михайловна. Пойди, проспись! Пошли, уложу вас рядышком на широкой кровати!

Виктор. С Эдиткой.

Юрий Павлович. Вера Михайловна, как я вас люблю!

Вера Михайловна. И я тебя люблю... Пошли!

Юрий Павлович. Вера Михайловна, а нельзя нам по маленькой. Обидно ведь! Если бы я еще продал этот чертов танк! А то ведь делся хрен знает куда. Был – и нет. Только следы от траков остались. Вера Михайловна, по чуть-чуть! Сопла горят!

Эдита. Сгорели твои сопла. Давно уже.

Юрий Павлович. Иди ты... в ванну! Никогда ты меня не любила!

Виктор. Юра, она права: ты спиваешься.

Раздается звонок в дверь.

Вера Михайловна. Добазарили, волки позорные! Приехал! Раньше времени.

Юрий Павлович. Кто?

Вера Михайловна. Дашкин олигарх!

Начинается смятение.

Эдита. Ой, я еще платье не надела... Уберите пьяных! (*Убегает.*)

Даша (*выбегает из своей комнаты*). Приехал! Папочка, здравствуй. Папочка, опять... Папа, как ты мог! Дядя Витя... и вы тоже? Уберите пьяных! (*Убегает.*)

Юрий Павлович. Витек, ты берешь олигарха с левого фланга! А я – с правого!

Виктор. Живым будем брать?

Юрий Павлович. Как получится.

Снова раздается звонок в дверь.

Вера Михайловна. Да ну вас к черту!

Вера Михайловна идет открывать дверь. Входит Галя.

Галя. Вызывали?

Вера Михайловна. Галочка! Слава богу.

Галя. Что тут нужно порезать?

Вера Михайловна (*показывая на пьяных*). Вот этих алконавтов!

Акт второй

Картина первая

Все та же квартира Кораблевых. Стол уже почти накрыт. Последние приготовления. Перед зеркалом охорашивается Эдита. Бьют часы.

Эдита. А говорили, что никогда не опаздывают. *(Сама с собой.)* «Я чувствую себя моложе, чем вчера. Мне только двадцать восемь лет, только... Все хорошо...»

Виктор *(проходя из одной комнаты в другую).* Какой вздор вы несете!

Эдита. Витя, я же просила! Штаны хоть надень! *(В отчаянье.)* Они все погубят, все погубят. *(Стараясь успокоиться.)* «Все хорошо, все от Бога, но мне кажется, если бы я вышла замуж и целый день сидела дома, то это было бы лучше! Я бы любила мужа...» Все погубят, алкоголики несчастные!

Вера Михайловна вышла из кухни. Глядит на наряд дочери.

Вера Михайловна. Чумовой прикид!

Эдита. Мама, ты хоть при нем не выражайся!

Вбегает взволнованная Галя.

Галя. Вера Михайловна, нога!

Вера Михайловна. Что – нога?

Галя. Горит.

Вера Михайловна *(на бегу – Эдите).* Я же тебе за бараньей ногой смотреть велела! Лохнесское чудовище!

Эдита. Ну конечно, я во всем виновата... И почему лохнесское?

Вера Михайловна. От слова «лох» *(скрывается в кухне).*

Раздается звонок в дверь. Эдита начинает суетиться, забегают в ванную. Из комнаты выходит пьяный Виктор, чтобы открыть дверь. Эдита выбегает из ванной, останавливает Виктора и гонит его в спальню.

Эдита. Витя, сиди там и не высывайся. *(Поправляет прическу перед зеркалом в прихожей, идет открывать дверь.)* Все хорошо.

Входят телохранители, демонстративно осматривают квартиру, словно они тут впервые. Появляется Корзуб.

Корзуб. Здравствуйте, ваши часы спешат на две минуты. Меня зовут Владимир.

Эдита. Здравствуйте! Очень рада!.. Очень рада! Даша про вас много рассказывала. Меня зовут Эдита... Ивановна. Такое странное имя. Фантазия родителей. Можно просто – Эдита...

Корзуб. Ну почему же, очень красивое имя!

Целует даме руку, берет у телохранителя букет, протягивает Эдите.

Эдита. А разве это не Даше?

Корзуб. Не волнуйтесь... Хватит всем!

Эдита. О, какие розы!

Появляется Вера Михайловна.

Вера Михайловна. Чуть без ноги не остались. Дурдом! (*Телохранителям.*) Привет, малышки. (*Заметив олигарха.*) Ну, здравствуйте! Я – Вера Михайловна, Дашина бабушка...

Корзуб. Владимир.

Возникает 1-й телохранитель с еще одним букетом. Корзуб протягивает букет Вере Михайловне.

Вера Михайловна. Ошизеть!

Эдита. Мама! Я же просила.

Вера Михайловна. Благодарю. Вы чрезвычайно любезны. Где же Даша?

Эдита. Даша, Даша...

Появляется Даша. На ней рваные новые джинсы, на плече свежая татуировка.

Даша. А вот и я...

Вера Михайловна. Едреный корень! Не кисло.

Эдита. Даша, что с тобой? Ты что сделала с новыми джинсами?

Даша. Ты ничего не понимаешь!

Эдита. Что у тебя на плече?

Даша. Это смывается.

Возникает телохранитель с очередным букетом. Корзуб протягивает цветы Даше.

Вера Михайловна. У вас там оранжерея?

Даша. Благодарю.

Корзуб. При близком знакомстве вы еще ослепительнее!

Даша (*насмешливо*). В старину это называлось смотрины... Что ж, посмотрите, как мы живем. Скромно?

Корзуб. Да, как сказать... Я вырос в бараке.

Эдита (*спохватилась*). Что же мы стоим? Ах, да! Я сейчас познакомлю вас с моим отцом и братом... (*Громко.*) Папа, у нас гости!

Даша. Мама, ты же знаешь дедушку: пока не доиграет партию, не выйдет.

Корзуб. Шахматы? Тогда это надолго.

Даша. Нет, они блиц играют.

Появляются довольный Иван Афанасьевич, одетый по-домашнему, и огорченный Иосиф, а также Марк Львович.

Иван Афанасьевич. Да, брат Иосиф, сильно ты там в Америке мозги-то свои расторговал!

Иосиф. Еще не вечер...

Иван Афанасьевич (*увидев разодетую Дашу*). А это кто такая?

Эдита. Внучка твоя.

Иван Афанасьевич. Моя внучка? Как сказала бы твоя бабушка: ну и фронтон.

Даша. Деда, познакомься.

Иван Афанасьевич (*направляется к одному из охранников, протягивает ему руку*).

Ну, слышал, слышал. Очень рад познакомиться. Академик Кораблев... Иван Афанасьевич.

Даша (*кивая на олигарха*). Деда... Вот – Владимир Ильич!

Начинается знакомство.

Иван Афанасьевич. Миль пардон. Иван Афанасьевич.

Иосиф (*немного на английский манер*). Йозеф.

Марк Львович. Марк Львович. Издатель.

Корзуб тоже представляется, протягивает академику, Иосифу и Марку Львовичу визитные карточки. Иван Афанасьевич внимательно изучает визитку. Иосиф и Марк тоже протягивают гостю визитки.

Корзуб (*Иосифу*). Вы работает в «Бейтскомпьютер-компани»? У нас с ними хорошие деловые отношения. Когда Билл Бейтс был в Москве, я принимал его у себя. Отличный парень.

Иосиф. О да! Один раз он поздравлял наш отдел с Рождеством и очень смешно сказал про жареную индейку...

Эдита. И что же он сказал?

Иосиф. Забыл... Но очень смешно!

Корзуб. Марк Львович, а что вы издаете?

Марк Львович. Все. Вот недавно выпустили мемуары знаменитого киллера. Научную литературу издаем. «Любовный приворот в свете теории информационных полей». Покупают. Можем издать вашу биографию. С цветными иллюстрациями. Золотой обрез. Кожаный переплет.

Корзуб. Да какая у меня биография...

Иван Афанасьевич. Не скажите! Про вас нужно в серии «Жизнь замечательных людей» писать! (*Разглядывая визитку*). Выходит, вы, Владимир Ильич, трижды академик. Действительный член Академии мировой экономики, действительный член Академии информатизации, действительный член Академии политологии. А я всего лишь единожды академик. Мда... Жизнь прожита напрасно. Вы вот в шахматы случайно не играете?

Корзуб. Случайно играю.

Иван Афанасьевич. Блиц? Вместо аперитива.

Корзуб. Не откажусь.

Эдита. Папа, какой блиц? Все готово!

Вера Михайловна. Пусть сыграют.

Даша. Деда, можно посмотреть?

Иван Афанасьевич. Посмотри, внучка, тебе полезно! Увидишь, как единожды академик будет сражаться с трижды академиком! Правнукам расскажешь...

Иосиф (*лукаво*). За кого болеть будешь, племянница?

Даша. Станный вопрос. Конечно за дедушку.

Иосиф. Тогда я поболею за Владимира Ильича. Все-таки коллеги!

Марк Львович. Кстати, на фронтиспесе, Владимир Ильич, можно поместить цветную фотографию: вы за шахматами! Впечатляет...

Иосиф. Вспомнил!

Даша. Что?

Иосиф. Билл Бейтс сказал: на каждое Рождество американцы съедают тридцать миллионов жареных индеек...

Нет, подождите... Это трудно перевести на русский язык. Игра слов. Чисто американский юмор...

Иван Афанасьевич. Эх ты, скоро по-русски говорить разучишься. Игра слов! Лучше мы в шахматы сыграем, брат Йозеф.

Мужчины с Дашей уходят в кабинет. Остаются телохранители.

Эдита. Ну что, мама? Как он тебе?

Вера Михайловна *(шепотом)*. Сколько ему лет?

Эдита. Мама, что такое полтинник для мужчины. Когда Дашке будет пятьдесят два, ему будет только семьдесят девять. Почти как папе.

Вера Михайловна. Как же у тебя головка запущена. *(Охранникам.)* Вроде я ее в детстве не роняла...

Эдита. Ну, очень смешно! *(Уходит на кухню с цветами.)*

Вера Михайловна. Мальчики, что по стенкам жметесь? Присаживайтесь!

1-й телохранитель. Вера Михайловна, вы нас только при шефе «мальчиками» не называйте!

2-й телохранитель. Мы на работе...

Вера Михайловна. Работайте, а мы пока цветы устроим! Эдита, носи большую вазу! Надо стебли обрезать и положить в воду таблетку аспирина...

Раздается звонок в дверь. 2-й телохранитель открывает входную дверь. Входит участковый Кабулов.

Вера Михайловна. Тебе чего, Нурали?

Кабулов. Э-э... Люди в отделение звонят, жалуются, устроили в подъезде засад-массад... Всех спрашивают: куда, зачем? Непорядок! Протокол буду писать...

1-й телохранитель. Эй, капитан, сюда иди!

Кабулов. Как разговариваете?

1-й телохранитель. «Мурку» засвети!

Кабулов. Не положено.

1-й телохранитель. Как раз положено. Форму-то на толкучке любую можно купить – хоть маршальскую. Показывай документы, урюк!

Кабулов. Что? *(Идет к 1-му телохранителю.)*

Вера Михайловна. Что такое «мурка»?

2-й телохранитель. Удостоверение МУРа.

Вера Михайловна *(восхищенно)*. О, великий и могучий!

Кабулов. Вы ответите! *(Нехотя достает удостоверение.)*

1-й телохранитель. Ответим. Дай-ка сюда *(забирает удостоверение, рассматривает)*. Все верно. Капитан Кабулов Нурали Худайназарович. Пятнадцатое отделение милиции.

2-й телохранитель. А может, шаровое удостоверение? Купил себе чурка и орудует по квартирам...

Кабулов. За «чурку» тоже ответите!

1-й телохранитель. Ответим. Удостоверение изымается до выяснения.

Кабулов. Не имеете права!

Вера Михайловна. Ну, это вы, ребята, зря! Нормальное у него удостоверение! Наш это участковый...

1-й телохранитель (*внимает мобильный телефон, набирает номер*). Сейчас проверим. Сергей Алексеевич. Ты? Губарев из охраны Корзуба. У тебя есть такой – капитан Кабулов Нурали Худайназарович. Ага, есть! Да нет, жив пока... Наезжает он тут на нас. Да, вот такой смелый борец с преступностью! Передаю...

Телохранитель передает телефон Кабулову, тот берет с трепетом.

Кабулов. Кабулов на проводе... Нет, товарищ полковник, совсем не так... Я зашел по сигналу жильцов. А они «чуркой» обзывают... Правильно обзывают? Товарищ полковник!.. Есть извиниться перед серьезными людьми и валить... Куда?... К едрене матрене...

Возвращает телефон, медленно идет к двери.

1-й телохранитель. Удостоверение заberi, чебурек!

Кабулов забирает удостоверение.

Кабулов. Виноват!

Вера Михайловна (*проводит его к двери*). Нурали Худайназарович, ты извини! Нехорошо получилось... Возьми пирожков – свежие!

Участковый, не отвечая, уходит. Вера Михайловна возвращается.

Вера Михайловна. Некрасиво, ребята! За что ж вы так человека обидели?

1-й телохранитель. Каждый человек, Вера Михайловна, должен знать свое место.

Вера Михайловна. Каждый человек, ребята, должен быть человеком! В первую очередь. Он, между прочим, на работе, как и вы. Или у вас теперь только олигархи людьми считаются?

Из кабинета выходят мужчины. Иван Афанасьевич подавлен.

Даша. Деда, ну не расстраивайся ты так!

Иосиф. Лихо... лихо!

Иван Афанасьевич. Да-а, брат Иосиф, как нас с тобой! Под орех!

Марк Львович. Прямо-таки разгром.

Вера Михайловна. Продул?

Иван Афанасьевич. М-да, вы, Владимир Ильич, как Ленин в шахматы играет. Мастер!

Корзуб. Ну до мастера не дорос – в кандидатах застрял. Потом бизнес – не до шахмат стало. (*Улыбаясь.*) А вам с Лениным приходилось играть?

Иван Афанасьевич. Ценю ваше остроумие. С Лениным не довелось, так сказать, разминуться. А вот с Курчатовым и Королевым приходилось.

Корзуб. Вот про кого книги надо писать, Марк Львович!

Марк Львович. Оно, конечно... Но книжный рынок жесток.

Корзуб. А Курчатова хорошо знали?

Иван Афанасьевич. Знал. Работали вместе. Ядерный щит ковали. А щит наш на помойку. Чем теперь будем защищаться?

Марк Львович. Да кому мы нужны, Иван Афанасьевич?

Иван Афанасьевич. Мы? Всем нужны. Индеек-то надо где-то разводить! Тридцать миллионов! А если еще китайцы начнут индеек трескать?

Вера Михайловна. Ну, индейку я вам не обещаю, а баранья нога у нас сегодня – улетная! С корочкой. Прошу к столу. Поляна накрыта.

Эдита (*выходит из кухни*). Прошу к столу!

Рассаживаются.

Иван Афанасьевич (*телохранителям*). Молодые люди, садитесь к столу!

Вера Михайловна. Коля, Вася, присаживайтесь! Вот тут местечко есть...

1-й телохранитель. Спасибо, мы на работе... Нам нельзя.

Иван Афанасьевич. Вон оно как теперь: господа отдельно – слуги отдельно.

Корзуб. А разве в ваше время по-другому было?

Иван Афанасьевич. По-другому.

Корзуб. Не замечал.

Открывается дверь, появляются Виктор и Юрий Павлович. Виктор в костюме с орденом Знак почета и медалями. Юрий Павлович в парадной форме.

Виктор (*протягивает руку*). Виктор Кораблев. Заслуженный строитель СССР.

Корзуб. Корзуб.

Юрий Павлович. Юрий Павлович. Отец запаса. Полковник этой красавицы!

Даша. Папа, ты все перепутал!

Корзуб. Я все понял!

Рассаживаются. С огромным блюдом появляется Галя.

Иосиф. Ногу на середину стола! А резать должен хозяин! В Америке только так!

Иван Афанасьевич. Мы не в Америке... Вот ты и режь!

Устанавливают блюдо сообща.

Даша. Владимир Ильич, это Галя – моя подруга и соседка!

Корзуб. Очень приятно! Кажется, мы не рассчитали с букетами (*он делает знак 1-му телохранителю, и тот исчезает*).

Галя (*растерянно смотрит на Корзуба*). Галя... Очень приятно.

Садится и продолжает с изумлением смотреть на Корзуба. Тот не замечает. Но это не ускользает от 2-го телохранителя. Он внимательно разглядывает Галю.

Вера Михайловна. Марк Львович, скажите лучше тост!

Юрий Павлович. Я скажу.

Эдита. Нет, Юрочка, ты не будешь.

Вера Михайловна. Кочумай, полкан!

Марк Львович. Это неожиданно... Я не готовился... Огромная ответственность! Что бы хотелось сказать... Я предлагаю выпить за эту семью. За семью Кораблевых, которая и в самом деле, словно прочный корабль, противостоит всем бурям времени. Семья – вот истинный ковчег, спасающий человечество от потоков! И если я не ошибаюсь, мы сегодня присутствуем на встрече, итогом которой может стать строительство нового семейного корабля...

Виктор. Совершенно не ошибаетесь!

Марк Львович. Выпьем за то, чтобы новый корабль был таким же прочным, как и тот, в гостеприимной кают-компании которого мы сегодня собрались. Ура!

Иосиф. Гениально!

Юрий Павлович. У меня замполит служил. Так у него на все случаи жизни один тост был.

Марк Львович. Какой? Мы издаем сборник тостов. Очень хорошо расходуется.

Юрий Павлович. Бронебойным заряжай!

Вера Михайловна бьет его полотенцем, уходит на кухню. Все чокаются и выпивают.

Виктор (Корзубу). Ильич, можно прямой вопрос?

Корзуб. Конечно!

Виктор. Ты – олигарх?

Корзуб (смеясь). Нет. Олигарх – это тот, у кого власть и миллиард, в придачу. В долларах, разумеется.

Виктор. А у тебя сколько?

Эдита. Виктор, это неприличный вопрос...

Корзуб. Ну, почему же... Сколько? Так сразу и не скажешь. Деньги в деле. Крутятся.

Виктор. Вот! Я тоже никогда не знаю, сколько у меня денег. Отдаю Надьке до последней копейки. И все в дело идут.

Иван Афанасьевич. Крутятся.

Виктор. Крутятся. Сейчас, правда, крутятся нечему. Работы совсем не стало! А я ведь строитель! Настоящий! И зарабатывать хорошо! Раньше подумаешь: а что-то я давненько в Третьяковке не был и в «Метрополе» не обедал! Сядешь в самолет – и пожалуйста: вот тебе Репин, вот тебе осетринка заливная а ля три рубля, а вечером «Риголетто». А теперь... Последние Надькины серьги продали, чтобы билет на самолет купить. Помните, тетя Вера, вы ей на свадьбу подарили?

Вера Михайловна. Продали?

Виктор. Продали. Теперь у нас так: не узбек – не человек. Чуть что: валите к себе в Россию!

Корзуб. Ну и переезжайте – строители в Москве нужны.

Виктор. Ага, ждут меня здесь. Я же иностранец! Чуть в ментовку не забрали. Думал, дядя Ваня с пропиской поможет. Все-таки академик! Связи!

Иван Афанасьевич. Все мои связи давно на Новодевичьем...

Корзуб. Извините. (*Выходит на авансцену, говорит по мобильному телефону.*) Николай Александрович, привет. Не узнал? Богатым буду... Корзуб. У меня просьба. К тебе тут подъедет в понедельник...

Даша. Виктор Николаевич Кораблев. Заслуженный строитель.

Корзуб. Виктор Николаевич Кораблев. Очень хороший строитель. С опытом. Но он из Ташкента. Надо помочь! Договорились? Спасибо. Ты в Давос-то летишь? Вот там встретимся и поговорим...

Виктор. К кому, куда подъезжать?

Юрий Павлович. В Давос.

Корзуб. Не волнуйтесь: позвонят, все объяснят!

Вера Михайловна. Ну, зашибись! Вы, Володя, как бы поинтеллигентней выразиться, – очень конкретный штуцер!

Эдита. Мама! Я же просила!

Корзуб. Вера Михайловна, я рад, что вы считаете меня солидным человеком. Но почему вы все время употребляете жаргон? Это у вас хобби?

Марк Львович (*встает*). Нет, совсем не хобби... Профессия! Вера Михайловна в совершенстве владеет современным сленгом. И я хочу открыть приятную тайну...

Вера Михайловна. Погодите, Марк Львович, не надо открывать тайну! Все очень просто, Володя: я пытаюсь освоить тот язык, на котором теперь говорят. Президент, политики, олигархи, молодежь... Крыша, слить, наехать, замочить...

Юрий Павлович. Счерномырдить.

Виктор. Скрысятить цитрон.

Иосиф. Что?

Виктор. Украсть миллион.

Вера Михайловна. Мы живем в новой стране и должны знать язык, на котором она разговаривает.

Иван Афанасьевич. Что же нам теперь, всем по фене ботать? Ну, давай, мать, ты у нас в авторитете. Открывай курсы для новой российской аристократии.

Иосиф. В Америке тоже все говорят на сленге. Я первое время ни черта понять не мог.

Виктор (*встает*). У меня тост. Восточный.

Юрий Павлович. Восток – дело тонкое. Говори!

Виктор. Одна юная девушка пошла с кувшином к арыку. А арык этот приватизировали. И вот хозяин арыка говорит: «Давай таньга!» «Нет у меня денег!» – отвечала девушка. «Тогда открой чадру – разрешу тебе зачерпнуть столько кувшинов воды, сколько минут я буду смотреть на твое лицо!» Сняла она чадру, и до сих пор весь кишлак пьет воду бесплатно! Так выпьем за социализм и женскую красоту, которая дороже всего на свете! За тебя, Дашенька! Дай Бог тебе жениха красивого и богатого...

Даша. Чтобы всех напоить?

Юрий Павлович. Смышленная! В меня.

Все чокаются, выпивают. Тем временем возвращается 2-й телохранитель с букетом. Корзуб подходит к Галя, преподносит ей цветы.

Галя. Ой, спасибо. Какие красивые цветы! Мне таких никогда не дарили...

Корзуб. Все когда-нибудь случается впервые.

Галя уносит букет на кухню.

1-й телохранитель. Что-то мне эта Галя не нравится. Где-то я ее видел.

2-й телохранитель. Я пока за цветами гонял, ее вычислил. Помнишь, шефу в сауну студенток привозили? На массаж.

1-й телохранитель. Точно. Она! Нехорошо.

2-й телохранитель. Чего ж хорошего!

Галя выходит из кухни. По пути ее перехватывает 2-й телохранитель.

2-й телохранитель. Галочка, ты усекла ситуацию. Нехорошо. (*Незаметно сует ей в фартук деньги.*)

Галя. Поняла.

2-й телохранитель. Извини!

Галя снимает фартук с деньгами, кладет его на этажерку, подходит к Даше.

Галя. Даша, можно тебя на минутку? Извините, я совсем забыла. Я обещала... Меня ждут... (*Убегают.*) Вера Михайловна. Галочка? А цветы?

Бежит на кухню за цветами, затем бежит вслед за Галей.

Эдита. Сегодня прямо день исполнения желаний! Владимир Ильич, вы волшебник! Кто бы мое желание угадал?

Корзуб. Как раз ваше желание угадать и выполнить несложно. Вы в театре служите?

Эдита. Да. А вы знаете, что такое театр?

Корзуб. Я знаю, что такое перформанс. Думаю, смогу вам помочь.

Юрий Павлович. А у вас, случайно, лишней дивизии не найдется? Или на худой конец – танка? Шучу, шутка юмора.

Эдита. Вы знаете, у Юрия Павловича прямо из расположения части танк украли.

Корзуб (*внимательно смотрит на него*). Что-то я уже слышал про этот угнанный танк.

Эдита. А что именно?

Корзуб. Нет, ничего. Потом поговорим.

Иосиф. А за сколько сегодня в России можно купить танк?

Виктор. За бутылку.

Эдита. Владимир Ильич, хотите еще ноги?

Корзуб. Нет, спасибо! Я бы съел еще пирожок с огурцами.

Вера Михайловна. А как вы догадались, что это огурцы?

Корзуб. Моя мама печет точно такие же.

Эдита. Даша, почему ты до сих пор не познакомилась с мамой?

Виктор. Дарья, мама в этом деле самая главная!

Иосиф. Давайте споем! Что-нибудь революционное.

Эдита. Почему революционное?

Иосиф. Просто так... Соскучился в Америке...

Виктор (*поет*). «Вихри враждебные веют над нами...»

Эдита. Не надо про вихри... Давайте про любовь!

Виктор. Давайте. (*Поет.*) «Хасбула-а-ат удалой...»

Даша. Не надо про Хасбулата! Эта песня очень плохо заканчивается.

Виктор. А действительно, чем она заканчивается? Я ее ни разу до конца не слышал.

Даша. Хасбулат зарезал жену, а князь отрубил ему голову...

Эдита. Ужас! Даша знает все песни и романсы.

Даша. Не все, конечно, но я очень люблю романсы.

Корзуб. А какой у вас самый любимый?

Даша. Вы его не знаете.

Корзуб. Если речь идет о романсах, может, и знаю.

Даша. «Тайна»

Корзуб. «Тайна»? «Я не скажу, я не признаюсь...» Этот?

Даша. Этот.

Корзуб. «В чем тайна вечная моя...» Но дальше я не помню...

Иван Афанасьевич. А что, брат Иосиф, не сыграть ли нам перед десертом партийку?

Эдита. Папа, погоди, Владимир Ильич, кажется, будет петь!

Иван Афанасьевич. Финансы поют романсы...

Корзуб. Нет, нет, пусть споет Дарья Юрьевна!

Эдита. Даша, немедленно пой!

Даша (*взяв гитару, пробует струны, потом поет*):

Я не скажу, я не признаюсь.
В чем тайна вечная моя.
Ее я скрыть от всех стараюсь
Боюсь доверчивости я...

Юрий Павлович после первого куплета начинает петь свою странную песню, мешая дочери.

Эдита. Юра, не мешай!
Даша (поет).

Вас не займет она, не тронет,
Как скучной повести рассказ,
Так пусть же навсегда потонет
Она в душе моей от вас.
Так пусть же навсегда потонет
Она в душе моей от вас.

Юрий Павлович продолжает что-то петь, мешая дочери.

Эдита. Нет, так нельзя! Он мешает.
Юрий Павлович (поет).

Остахренело все,
Остахренело все...

Виктор. Юра, спиши слова!

Юрий Павлович продолжает петь. Занавес закрывается. На авансцене 1-й телохранитель и Марк Львович.

1-й телохранитель (по телефону). Что? Все нормально. Поют. Поют, говорю. Романс «Остахренело все». Сам в первый раз слышу (уходит).

Марк Львович. Романсы снова входят в моду. Надо срочно издать сборничек романсов. А что делать? Когда-то мы назывались «Партиздатом» и выпускали... Ну, вы сами знаете, что мы выпускали. А теперь мы называемся «Библ энд пипл» и издаем. Ну, сами знаете, что мы издаем... Вот недавно – «Секс по Интернету. Самоучитель для начинающих». Очень хорошо расходуется. Это нормально. Жизнь – мудрая мерзавка! Дай Бог, чтобы у Даши сладилось с этим Корзубом. Тогда я точно выпущу его биографию – в кожаном переплете и с золотым обрезом.

Картина вторая

Снова двор знакомого нам дома. Ранняя осень. Подъезд роскошно отремонтирован. На скамейке, забыв о метле, сидит, углубившись в книгу, Светлана Петровна. Подходит Кабулов с кроссвордом.

Кабулов. Светлана Петровна, по горизонтали: русский инженер, изобретатель телевизора? Восемь букв?

Светлана Петровна. Отстань, Нурали...

Кабулов. Э-э, не знаешь!

Светлана Петровна. Зворыкин.

Кабулов (*пишет*). Зворыкин. Проверим. По вертикали: птица из отряда пастушковых. Девять букв.

Светлана Петровна. Коростель. Дай спокойно дочитать!

Кабулов. Что читаешь? (*Берет у нее книгу.*) «Контрольный выстрел». Интересная?

Светлана Петровна. Не оторвешься. С Галей даже разругались, друг у друга вырывали...

Кабулов. «Контрольный выстрел». Про мафию?

Светлана Петровна. Про жизнь.

Из подъезда выходит одетый по форме Алексей.

Алексей. Здравия желаю!

Светлана Петровна. Здравствуй, Алеша. Давно приехал?

Алексей. Ночью. Я в темноте не рассмотрел – какой у нас подъезд красивый! В мраморе. Это теперь у всех так?

Светлана Петровна. Нет, только у нас. Скажи спасибо Даше Кораблевой.

Алексей. Вас понял. А как она?

Светлана Петровна. Лучше не бывает.

Алексей. Кто бы сомневался. А вы как, Светлана Петровна?

Светлана Петровна. Да так, Леша, живем помаленьку. Галя учится.

Алексей. На третьем курсе?

Светлана Петровна. На четвертом.

Кабулов. Отличница!

Светлана Петровна. Это наш новый участковый.

Кабулов. Капитан Кабулов.

Появляется Юрий Павлович, он в новенькой генеральской форме. Его сопровождает тощий солдатик-водитель.

Алексей. Здравия желаю, товарищ генерал!

Юрий Павлович, не замечая Алексея, направляется в подъезд.

Светлана Петровна. Вот что лампы с человеком делают.

Юрий Павлович возвращается, смотрит на Алексея. Узнает его, начинает обнимать.

Светлана Петровна. Раздавите.

Юрий Павлович. Алеша, ну, здравствуй. (*Бойцу.*) Бегом в двенадцатую квартиру Чемоданы – в машину. (*Алексею.*) Возмужал! Как там наш Чернознаменный красноморский флот?

Алексей. Ржавеем помаленьку.

Юрий Павлович. Надолго к нам?

Алексей. На недельку. Родителей проведать.

Юрий Павлович. Хорошее дело! К Дарье заходил?

Алексей. А зачем?

Юрий Павлович. Да, вот такие, брат, дела.

Из подъезда вываливается с двумя чемоданами солдатик. Виктор идет следом. У него в руках сумка и пакет с пирожками.

Виктор. Без пирожков не отпускали, товарищ генерал.

Алексей. Здравствуйте, дядя Витя!

Виктор. Не понял.

Юрий Павлович. Это же Лешка с восьмого этажа?

Виктор. Лешка? Вот время-то летит?

Алексей. Уезжаете?

Виктор. Ненадолго. Семью привезу Я ведь теперь не хухры-мухры...

Кабулов. А кто ты теперь?

Виктор. Иди сюда (*достаёт паспорт*). Смотри. Я теперь – москвич со штампом.

Кабулов. Вай-вай! (*По-узбекски.*) Куанча тулядинг?

Виктор. Ничего я не платил. Что ты понимаешь, урюк ты мой дорогой. (*Достаёт водку.*)

Ну, ты мусульманин, тебе нельзя.

Кабулов. В Коране про вино сказано, а про водку ничего не сказано.

Все садятся на скамейку. Выпивают.

Юрий Павлович. Поехали, поехали, на самолет опоздаем.

Виктор. Присядем на дорожку!

Садятся. Встают. Уходят. Кабулов смотрит вслед.

Кабулов. Повезло человеку! Прорабом устроился. Прописку получил. А меня чуть из отделения не выгнали. Ай-ай-ай! Нет справедливости. Нет!

Выходит Галя. Подходит к матери.

Галя. Здравствуй, Нурали.

Кабулов. Саллям аллейкум, Галлия!

Галя (матери). Дочитала?

Светлана Петровна. Чуть-чуть осталось.

Галя (забирает книгу). Потом дочитаешь... (*Хочет уходить.*)

Светлана Петровна. Ты посмотри, кто приехал?

Алексей. Здравствуй, Галя!

Галя (холодно). Здравствуй, Леша.

Алексей. Замуж не вышла?

Галя. Не берут...

Алексей (смеется). Не может быть! Кого же тогда берут?

Галя. А ты не знаешь?

Алексей. Слушай, давай, я тебя с моим каплеем познакомлю?

Галя. А что это за зверь?

Алексей. Капитан-лейтенант. Отличный парень. Холостой. Он сейчас в Москве в отпуске.

Галя. Нет уж. Я уж как-нибудь на суше. (*Поет.*) «Ты морячка, я моряк... Мы не встретимся никак...» (*Уходит.*)

Светлана Петровна. Поздно будешь? Чтоб засветло была.

Кабулов. Ой, якши.

Алексей. Какая она стала у вас.

Кабулов. Занимается много.

Алексей. Вот времена! Раньше девчонки мечтали выйти за моряка! Отбою не было. А теперь... У нас один каперанг из похода вернулся, а жена к бизнесмену ушла и записку оставила: «Прости, надоела нищета...» А какой он бизнесмен, так – забегаловку на берегу держит. Плохо все это кончится.

Светлана Петровна. Для кого?

Алексей. Для державы.

Светлана Петровна. Ты лучше, Лешенька, о себе подумай! А то пока держава про нас вспомнит – с голоду перемерем...

Кабулов. Слушай, вот ты должен знать: сундук для хранения вещей у моряка. Шесть букв.

Светлана Петровна. Рундук.

Алексей. Рундук...

Кабулов (*пишет*). Рундук-бурундук. И чего только в русском языке не бывает!

Слышен звук подъезжающей машины. Появляются Даша и Эдита Ивановна со свертками в сопровождении первого телохранителя. Алексей поворачивается к ним спиной.

Даша. Машина мне сегодня больше не нужна.

Эдита. Мне нужна. Часа через два. На репетицию поедем.

Кабулов (*вытягиваясь, чуть ерничая*). На вверенном мне участке все спокойно!

1-й телохранитель (*с юмором*). Вольно!

Уходят. Эдита скрывается в подъезде. Даша задерживается.

Даша. Светлана Петровна, а что это Галя нас совсем забыла?

Светлана Петровна. У нее и спросила бы...

Светлана Петровна уходит. Алексей преграждает дорогу Даше.

Даша (*воздрагивает*). Ты?

Алексей. Я. В краткосрочный отпуск.

Даша (*вглядываясь*). Ты изменился.

Алексей. А ты нет?

Даша. Почему ты не писал, не звонил?

Алексей. Злой был.

Даша. На кого?

Алексей. На самого себя. А теперь вот тебя увидел...

Даша. Леш, а я замуж выхожу.

Алексей. Догадываюсь. За кого?

Даша. Какая разница...

Алексей. Действительно, какая разница...

Даша. Завтра помолвка. Приходи!

Алексей. Зачем?

Даша. Я тебя прошу.

Алексей. Не знаю, не знаю...

Даша уходит.

Кабулов. Логическое завершение чего-либо. Пять букв.
Алексей. Кранты.

Алексей на авансцене. Занавес закрывается.

Алексей. А коперанг тот застрелился. Нет, не от ревности. От бессилия. Ведь если бы она разлюбила, нашла другого... Но она не разлюбила, не нашла другого, а просто продалась, пока он в море ходил, страну берег, сильный, смелый мужик... Он так и написал: «Не могу жить. Стыдно!» И застрелился из наградного оружия. Эх, яблочко, куда ж ты котишься?

Картина третья

Снова квартира Кораблевых. Праздничная суета. Даша дергается в ванную.

Даша. Мама! Ты не утонула?

Голос Эдиты. Выхожу!

Даша. Читать можно и в другом месте.

Вера Михайловна. В туалете, например.

Даша. Просто ерунда какая-то!

Вера Михайловна. А что это за ресторан «Голодный диггер»?

Даша. Это на берегу реки Неглинной.

Вера Михайловна. Она же под землей!

Даша. В том-то и дело! Очень дорогой ресторан.

Вера Михайловна. Офонареть! Помолвка под землей!

Из ванной выходит Эдита. В руках у нее книга.

Даша. Мама!

Эдита. Потерпи. Скоро у тебя три ванны будет и четвертая для собаки...

Даша (*берет у нее книгу*). Ну, что ты такое читаешь? Ричард Баранов «Контрольный выстрел»! У тебя же премьера! Лучше бы роль учила!

Вера Михайловна. Откуда у тебя эта книга?

Эдита. В метро купила. Ее сейчас вся Москва читает. А роль я и так знаю (*обнимает мать и дочь*). «...О боже мой! Пройдет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь!..» Ну, как?

Даша. Переигрываешь!

Эдита. Доброго слова не услышишь. Враги. Уйду я от вас.

Вера Михайловна. Звонил Иосиф – долетел нормально.

Даша. Жаль, что он на помолвку не остался.

Вера Михайловна. У них в Америке очень строго с трудовой дисциплиной! А где Юра?

Эдита. Не волнуйтесь, Юра прилетит в ресторан прямо с охоты. У них боевой вертолет. Не опоздает. А вот Лешку ты напрасно пригласила!

Даша. Да? Почему же?

Эдита. А ты сама не понимаешь? Бессердечная... Так над парнем измываться! С мужчинами надо уметь расставаться.

Даша. Это ты мне говоришь?

Эдита. Я «...Милая, говорю тебе, как сестра, как друг, если хочешь моего совета, выходи за барона! Ведь ты его уважаешь, глубоко ценишь... Ведь замуж выходят не из любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг...»

Даша (*нервно*). Мама, я тебя прошу!

Эдита. Это Чехов, дура! Что же мне надеть? Что?

Уходит.

Даша. У мамы из-за этой премьеры раздвоение личности.

Вера Михайловна. Уж не знаю, у кого из нас раздвоение личности... Пойду Ивану Афанасьевичу рубашку поглажу. (*Уходит.*)

Даша некоторое время стоит одна. Смотрит на Университет в окне.

Даша (*задумчиво*). Ведь замуж выходят не из-за любви, а только для того, чтобы исполнить свой долг. Долг...

Выходит Иван Афанасьевич. Он в своем джинсовом костюме и тапочках.

Даша. Дед! Ты почему не одет?

Иван Афанасьевич. Дарья, может, я не поеду? Не нравится мне все это!

Даша. Надо ехать! Есть такое слово у большевиков: надо! Знаешь?

Иван Афанасьевич (*вздыхает*). Знаю! Как не знать...

Даша. И обязательно надень награды! Обязательно! Пусть видят, какой у меня дед!

Иван Афанасьевич. Кому это теперь нужно?

Даша. Мне.

Даша скрывается в ванной. Иван Афанасьевич некоторое время стоит один. Звонок в дверь. Иван Афанасьевич идет открывать. Входит Алексей со скромным букетиком.

Алексей. Здравствуйте, Иван Афанасьевич!

Иван Афанасьевич. Здорово! А ну-ка, повернись, сынку! Экий ты brave какой! Герой!

Алексей. Штаны с дырой.

Иван Афанасьевич (*после паузы*). Вот такие у нас дела, Леша... Ты к Дарье?

Алексей. Да, зашел поздравить.

Иван Афанасьевич. Эх ты, морской волк, проворонил девку! Теперь только и осталось – поздравлять...

Алексей. Я-то при чем? Я ее любил и люблю...

Иван Афанасьевич. Напоминать надо было про свою любовь почаще. Женщины памятью любят... С телохранителем она теперь ездит, видал? На «мерседесе».

Алексей. Они все теперь за «мерседесы» замуж выходят.

Иван Афанасьевич. Ну, не скажи! Парень он крепкий, образованный, даром что олигарх... Ты, случаем, еще не академик?

Алексей. Чо?

Иван Афанасьевич. Через плечо! А он трижды академик! Я всю жизнь в науке, а только единожды академик. Новые времена. Как там флот черноморский? Не затопили еще?

Алексей. Скоро сам потонет. Недолго осталось.

Иван Афанасьевич. На гражданку не собираешься?

Алексей. Я же моряк. Утонем вместе. Руку к козырьку – и на дно...

Иван Афанасьевич. Вот ты какой стал!

Алексей. Какой?

Иван Афанасьевич. Уважаю.

Входит Даша. Иван Афанасьевич смотрит на них, качает головой и уходит в кабинет.

Даша. Здравствуй, Леша.

Алексей. Вот, зашел поздравить!

Даша. Спасибо.

Алексей. Знаешь, я не смогу на помолвке... Возвращаюсь в Севастополь. Мне на лодку надо. К ученьям готовиться. Мужики позвонили – мазут прислали. Пойдем в море.

Даша. В море... Хорошо в море?

Алексей. Лучше, чем на берегу. Спасибо тебе!

Даша. За что же?

Алексей. За море. Я же из-за тебя моряком стал.

Даша. Из-за меня?

Алексей. Помнишь, в школе был концерт ко Дню армии и флота. Давно... Ты читала Ахматову...

Даша. Да, помню... «Мы знаем, что нынче лежит на весах и что совершается ныне...»

Алексей. А я танцевал «Яблочко»...

Даша. Точно! На тебе были такие широченные клешки и тельняшка, самодельная, из футболки...

Алексей. Я его долго разучивал, это «Яблочко»... Дома, перед зеркалом. А потом после концерта ты подошла ко мне и сказала: «Леша, а знаешь, тебе идет морская форма!» И еще ты сказала, что больше всего на свете тебе нравятся моряки – они настоящие мужчины. И я тогда решил стать моряком. Честное слово!

Даша. Не жалеешь?

Алексей. Нет, жалею только, что тебе моряки больше не нравятся...

Даша. Откуда ты знаешь, что мне нравится?

Алексей. Знаю. Ты теперь переедешь в какой-нибудь роскошный дворец с зимним садом. Я, когда из аэропорта ехал, видел такие. Ты меня хоть вспоминать будешь?

Даша. Конечно. Ты же моя первая любовь...

Алексей. А помнишь, в седьмом классе, мы вот так же стояли у окна, и я сказал: если не поцелуешь, то я прямо сейчас пойду залезу на Университет, на самый верх!

Даша. Помню. Но ведь ты бы никуда не залез!

Алексей. Не залез бы... Я высоты боюсь.

Даша. А глубины?

Алексей. Но ты меня все равно поцеловала.

Даша. В щеку.

Алексей. Для седьмого класса это было очень смело. Ты всегда была смелая. Будь счастлива!

Даша. Постараюсь.

Алексей. У тебя получится. Я пойду...

Даша. Не уходи!

Алексей. Неудобно. Увидит меня твой... Что подумает?

Даша. Правильно подумает.

Алексей. Я пойду...

Даша. Ты мужчина или нет?

Алексей. Тебе все еще нравится надо мной смеяться?

Даша. Нравится.

Обнимает и целует его в губы. Входит Эдита. Смотрит на них, потрясенная.

Эдита. Здравствуй, Леша!.. Что? Мама! Дарья, прекрати! Вы что, с ума сошли! Алексей, ты же офицер! Как не стыдно! *(Они целуются, не обращая внимания.)* Мама! Мама!

Вбегают Вера Михайловна.

Вера Михайловна *(смотрит)*. Убиться веником!

Эдита. Мама! Ну что ты стоишь? В день помолвки... Это же грех!

Вера Михайловна. Грех, когда ноги вверх. А опустил – господь и простил.

Эдита. Замуж надо сначала выйти, а потом свою личную жизнь устроить. Боже! Это все ваша порода! Ваша... Вы обо мне подумали?! Премьера на носу... Все пропало! У меня никогда теперь не будет такой роли. Никогда!

Убегает. На шум выходит Иван Афанасьевич. Он при параде: на груди ордена, лауреатские значки, звезда Героя труда.

Иван Афанасьевич. Куда это Эдитка помчалась?

Вера Михайловна. В ванну топиться... Вон полюбуйся.

Иван Афанасьевич некоторое время с интересом смотрит на целующихся.

Иван Афанасьевич. Что сие означает, внучка?

Даша. Я люблю его...

Иван Афанасьевич. Любишь? Вот оно как! А я-то думал, у вас теперь только секс да бизнес. Ошибся, старый дурак... *(развязывает галстук)*. Алексей, Алексей, да оторвись ты, когда герой социалистического труда разговаривает!

Алексей. Что, Иван Афанасьевич?

Иван Афанасьевич. Леш, ты хоть в шахматы играешь?

Алексей. Не-а!

Иван Афанасьевич. Тьфу ты, черт!

Уходит.

Алексей. Вера Михайловна, нам обещали оклад поднять и довольствие увеличить... Потом у нас клуб хороший. Комнату в семейном общежитии дадут... А знаете, какое в Севастополе море? Знаете?

Вера Михайловна. Да ладно... Не пропадете! Мы с Иваном Афанасьевичем первую брачную ночь в чулане провели. И ничего! Заработаете. Дашка тоже не зря училась...

Звонок в дверь. С Владимиром Ильичом я сама поговорю.

Эдита *(выглядывая из ванной)*. Не открывайте!

Вера Михайловна. Он человек понимающий. Кажется...

Вера Михайловна вздыхает, решительно идет открывать дверь. Врывается Марк Львович с тортом и стопкой книг.

Вера Михайловна. Вы?

Марк Львович. Успех! Фантастический успех! За неделю продано двадцать две тысячи экземпляров! Агатка Кристи в гробу перевернулась! Поздравляю. Ричард вы мой Баранов расчудесный!

Эдита выбегает из ванной.

Эдита. Что?! Мама, Ричард Баранов – это ты?

Вера Михайловна. Я, я...

Алексей. «Контрольный выстрел». Название – класс! Надо ребятам в Севастополь отвезти... У нас хороших книг совсем не стало. Только про то, какие москали сволочи...

Даша. Бабушка, как же так? А мы и не знали. Я думала, ты трактат пишешь.

Вера Михайловна. Я тоже сначала думала... А потом решила: попробую. Напишу вроде как пародию на нашу новую жизнь. Злую, очень злую. Люди прочитают и поймут: нельзя так жить, так думать, так разговаривать... Написала. И никто ничего не понял... Хотела как лучше, а получилось...

Марк Львович. Замечательно получилось! Вы даже не представляете, сколько мы заработаем! Книгопродавцы как с ума сошли! Требуют «Контрольный выстрел – два»!

Даша. Ну, ты, бабушка, – крутейшая крутота!

Даша бросается бабушке на шею. Входит Иван Афанасьевич. Он снова в джинсовом костюмчике. Берет книгу, рассматривает.

Иван Афанасьевич. Что за шум, а драки нет?

Даша (*гордо*). Это бабушка написала! Удивлен?

Иван Афанасьевич. Я с твоей бабушкой прожил пятьдесят один год, и удивить меня трудно. От зятя-олигарха Бог уберег. И вот на тебе... Выстрел. Контрольный. В лоб. Выходит, я теперь муж знаменитого Ричарда Баранова? Оригинально! Может, и фамилию сменить?

Марк Львович. Из Парижа звонили. Хотят переводить! Высылают контракт.

Эдита. Из Парижа?

Вера Михайловна. Ну вот, в Париж съездим! Гульнем! Там, кажется, на кухне шабли оставалось – надо отметить. Ну-ка, Леша, тащи сюда! Напьемся до синих зайцев.

Алексей уходит на кухню.

Эдита. «Не могу, это мне не по силам... Даже в глазах потемнело... Наш сад как проходной двор, через него и ходят, и ездят...» В Париж, в Париж... (*убегает к себе в комнату*).

Даша незаметно уходит из квартиры.

Алексей (*кричит с балкона, из кухни*). Приехал наш олигарх!

Вера Михайловна. Ах, боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!

Иван Афанасьевич. Не паникуйте! Я с ним объяснюсь, как академик с академиком.

Алексей (*выходит из кухни с бутылками*). Шабли! Шабли! Где ваша сладость?... (*Растерянно.*) А где же Даша?

Вера Михайловна. Даша. Где Даша?

Эдита. А где Даша? (*Бежит в кухню.*)

Вера Михайловна. И дверь открыта...

Эдита (*выходит с кухни и говорит матери*). Она села к нему в машину...

Вера Михайловна. Как это... к нему в машину? (*В отчаянье.*) Дьявол! Он купил нас всех... И тебя, и Дашку и Витьку, и Юрку... Он всё разрушил... (*Плачет.*)

Появляется 2-й телохранитель.

2-й телохранитель. Господа, машины поданы. Спускайтесь! Владимир Ильич ждать не любит...

Иван Афанасьевич. Вот вам и контрольный выстрел...

Уходит в свою комнату.

Конец

Халам-бунду, или Московское сафари *Комедия в двух актах*

Действующие лица:

Федор Тимофеевич Куропатов, профессор, 77 лет.

Лидия Николаевна, его жена, доцент, 72 года.

Костя, их сын, кандидат наук, 49 лет.

Марина, его жена, «челночница», 48 лет.

Елена, их дочь, бухгалтер, 24 года.

Юрий Юрьевич Владимирцев, бизнесмен, 30 лет.

Болик, его телохранитель, 20 лет.

Сергей Артамонович Лукошкин, дворянин, 60 лет.

1-й киллер.

2-й киллер.

Акт первый

Уставленный книгами холл большой профессорской квартиры. Пристойная скудость. На стенах – африканские маски. На особом месте – длинная пика и портрет усача в бурке и папахе. В окне виднеется мигающая реклама «Макдоналдса». Из холла двери ведут в комнаты, в ванную, на кухню.

На стремянке возле книжных стеллажей сидит, углубившись в фолиант, Федор Тимофеевич Куропатов. На нем кабинетный пиджак, потертые джинсы и меховые тапочки. Он напевает себе под нос.

Федор Тимофеевич.

Енги-банг кара-манду
Дун-дуран халам-бунду...

С улицы вбегают энергичная Лидия Николаевна в стареньком спортивном костюме с эмблемой «Динамо» и белых кроссовках. Делает несколько упражнений, держа в руках пустые бутылки. Потом, подхватывая песенку, ставит бутылки на стол и еще две вынимает из-за пазухи.

Лидия Николаевна. Енги-банг кара-манду... Что-то я тебе хотела сказать? Забыла...

Федор Тимофеевич. Вспомнишь.

Лидия Николаевна. Дун-дуран халам-бунду... Что за ерунду мы поем?

Федор Тимофеевич. Это не ерунда, это свадебная песня одного африканского племени.

Лидия Николаевна. Вспомнила! Федор, предупреждаю тебя совершенно ответственно: если ты не начнешь бегать по утрам и заниматься физкультурой, я найду себе другого – молодого и спортивного...

Федор Тимофеевич. Молодой – это лет семидесяти?

Лидия Николаевна. Ну, почему же? На меня еще и шестидесятилетние заглядываются. Сегодня один все время рядом бежал и жаловался, как ему одиноко на пенсии. Говорил: давайте дружить, вместе будем ходить в Сокольники – пустые бутылки собирать. Он места знает, где их много! *(Подходит к зеркалу.)* Верно говорят: женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Федор Тимофеевич. А мужчине столько лет, насколько он одинок...

Лидия Николаевна. Леночка проснулась?

Федор Тимофеевич. Кажется, нет.

Лидия Николаевна. С девочкой что-то происходит. Я боюсь за нее. Хорошо хоть Маринка приехала. Думала, эту вертихвостку на порог больше не пушу, а теперь даже рада: мать как-никак... Может, хоть она Леночку успокоит?

Федор Тимофеевич. Никто ее не успокоит. Сама справится. Ей тяжело. Ее оскорбили как женщину, унизили как сотрудника. Но это надо пережить. Испытания закаляют сердце!

Лидия Николаевна. Иди ты к черту! Спускайся! Сидишь, как Ядрило на туче, и поучаешь. Девочка вторую неделю места себе не находит...

Федор Тимофеевич. Не Ядрило, а Ярило – бог плодородия у славян. На туче сидит Перун – бог грозы...

Лидия Николаевна. Вот и слезай, старый Перун! Покормлю тебя тихонько, чтобы Леночку не разбудить. Пусть спит. Во сне обида быстрее проходит. Помнишь, как ты в пять-

десять первым на новогоднем банкете за женой доцента Сулова увивался? Хотя увиваться там было решительно не за чем...

Федор Тимофеевич (*чуть не упав со стремянки*). Что?! Это доцент Сулов за тобой увивался, а ты...

Лидия Николаевна. Не выкручивайся! Я тогда думала, тебя убью, уничтожу, как врага народа! А потом выпалась – и ничего...

Федор Тимофеевич. Абсолютно ничего, если не считать, что свадьбу на полгода отложили.

Лидия Николаевна. Вот и хорошо! Ты еще полгода под окнами постоял, помучился... (*Подходит к окну.*) Вон там ты стоял, около «Блинной», где теперь «Макдоналдс».

Федор Тимофеевич. Я стоял не полгода, а всего неделю...

Из-за ширмы появляется Елена в скромном сереньком халатике.

Елена. Почему всего неделю?

Лидия Николаевна. С добрым утром, внучка! Как спала?

Елена. Понятия не имею. Просто спала.

Федор Тимофеевич. М-да, молодость, это когда просто спишь. Здравствуй!

Елена. Доброе утро, дедушка! Так почему только неделю?

Лидия Николаевна. Потому что дедушку арестовали.

Елена. Арестовали! За что? Вы мне никогда об этом не рассказывали.

Лидия Николаевна. А что тут рассказывать? Над нами тогда жил нарком мясо-молочной промышленности. (*Показывает пальцем вверх.*) В органах решили, что дедушка выслеживает и готовит покушение...

Елена. Вы серьезно?

Лидия Николаевна. Совершенно серьезно.

Федор Тимофеевич. Такое время, Леночка, было – суровое.

Елена. Но ты им объяснил, что не виноват?

Федор Тимофеевич. Там не объяснения спрашивали, а показание снимали. Ну я и сознался: да, хотел убить наркома за то, что антрекот в аспирантской столовой, как подошва. Странно человек устроен: в штыковую ходил – немца не боялся, а своим с перепугу такое на себя наплел... Может, потому что свои?

Елена. Какой ужас! И что же?

Лидия Николаевна. Ничего. Наркома вдруг сняли за производство некачественной пищевой продукции – и дедушку отпустили. Это еще при Сталине было.

Елена. Как же вы жили? В такое время!

Федор Тимофеевич. Так же как сейчас. Пили чай с вареньем. Совсем плохих времен, внучка, как и совсем плохих людей, не бывает. Если что-то похуже, значит, другое получше. К примеру, этот твой мерзавец...

Лидия Николаевна. Юрий Юрьевич.

Федор Тимофеевич. Вот именно! При Сталине не разъезжал бы на «мерседесе». Лес бы в тайге валил для нужд народного хозяйства.

Елена. Дедушка, не надо об этом!

Федор Тимофеевич. Надо! Я вижу, как ты ходишь и носом хлюпаешь! Не смей плакать из-за этого! Подумаешь – уволили...

Елена. А знаешь, какое лицо у него было, когда он говорил: «Елена Константиновна, вы у меня больше не работаете»? Такое лицо, будто я не человек и даже не вещь, а пыль. Знаешь, как смотрят на пыль перед тем, как ее тряпкой смахнуть?! Знаешь?

Лидия Николаевна. Леночка! Не убивайся ты так! Найдешь себе работу. Бухгалтеры всегда нужны. А пока проживем как-нибудь...

Федор Тимофеевич. Не пропадем. Продам маски! Книги продам...

Лидия Николаевна. Конечно, не пропадем! Я тут на пробежке с милым молодым человеком познакомилась, он знает в Сокольниках места, где много пустых бутылок!

Елена. Что вы такое говорите!

Лидия Николаевна. А что мы говорим? Мы говорим: все будет хорошо. У Кости дела пошли. Он теперь с иностранцами сотрудничает. Его ценят. Мать твоя из Стамбула прилетела...

Федор Тимофеевич. Из Царь-града.

Елена. Когда?

Лидия Николаевна. Под утро. Подарки тебе привезла. Все будет хорошо!

Елена. Не нужны мне никакие подарки. Ничего не нужно! Ни от кого. Зачем, зачем вы меня такой сделали!

Лидия Николаевна. Какой?

Елена. Вот такой! Это вы виноваты! Вы!

Лидия Николаевна. Почему мы?

Елена. Сами говорили, что это вы меня воспитали...

Лидия Николаевна. А кто же еще! У Кости каждый день решающий эксперимент. У Марины одни тряпки в голове. Мы и воспитали.

Елена. Значит, вы и виноваты!

Федор Тимофеевич. В чем же мы виноваты?

Елена. Это вы мне говорили: девушка из хорошей семьи должна быть гордой, девушка должна быть честной, девушка должна быть скромной, девушка должна быть верной... Должна, должна, должна...

Лидия Николаевна. А разве не должна?

Елена. Нет. Нужно быть хитрой, жадной и общедоступной. Тогда и жить будет легко!

Федор Тимофеевич. А умирать?

Лидия Николаевна. Ну что ты мелешь? У Леночки еще вся жизнь впереди!

Федор Тимофеевич. Я знаю, что говорю! В племени мататуев есть поговорка: «Из этого мира в страну предков ничего нельзя унести с собой, кроме чистой совести». Дикари, а лучше нас понимают!

Елена. Сами вы дикари! Старые, никчемные дикари! Вы даже не соображаете, что происходит вокруг! Вы не понимаете, где мы живем! Сидите здесь, как в норе... Я вернусь и попрошу у него прощения! Скажу, согласна вести двойную бухгалтерию. На все, на все согласна...

Федор Тимофеевич. Он домогался тебя? Мерзавец...

Елена. Нет, но я согласна и на это! Я не хочу жить, как вы. Собирать бутылки. Возить тряпки из Стамбула...

Федор Тимофеевич. Из Царь-града.

Входит Марина.

Лидия Николаевна. Ты не спишь?

Марина. Поспишь тут с вами! Во вьетнамском общежитии так не орут.

Лидия Николаевна. Вот и поговори со своей дочерью, коль уж приехала!

Марина. Хорошо, мама, я поговорю. Только успокойтесь!

Лидия Николаевна. Я же просила: не называй меня мамой!

Лидия Николаевна уходит. Федор Тимофеевич демонстративно углубляется в книгу. Марина устраивается на старом кожаном диване и усаживает с собой рядом Елену.

Марина. Ты бледненькая совсем стала... Они мне все рассказали. Этот твой Юрий Юрьевич, конечно, сволочь!

Елена. Мама, я не хочу об этом!

Марина. Леночка, да разве же от нашего желания что-нибудь зависит? Такие времена. Думаешь, мне «челночить» нравится? (*Глядя на профессора.*) Кто ж виноват, что за чтение книжек теперь деньги не платят...

Профессор бросает сверху грозный взгляд.

Елена. Мама, я же не давала ему никакого повода.

Марина. Он к тебе приставал?

Елена. Попробовал бы! Я... Я бы ему... И потом у него есть к кому приставать.

Марина. И кто же это?

Елена. Как кто? Секретарша, конечно. Полина! Кикимора и лентяйка. Целый день ногти красит и по телефону болтает. (*Изображает.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.